

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

ВОВКА-
ЦЕНТРОВОЙ
СРЕДИ ЛЕГЕНД

Боевая фантастика (АСТ)

Андрей Шопперт

Вовка-центровой. Среди легенд

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шопперт А. Г.

Вовка-центровой. Среди легенд / А. Г. Шопперт —
«Издательство АСТ», 2023 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-156229-8

Приехавший совсем по другим делам в Куйбышев генерал-полковник Аполлонов – заместитель министра МВД СССР и одновременно председатель спортобщества «Динамо» – попадает на матч между куйбышевским «Динамо» и «Дзержинцем» из Челябинска. Там на глаза ему попадаются два молодых хоккеиста «Динамо»: вратарь Владимир Третьяков и нападающий Владимир Фомин, игра которых резко отличается от неумелой игры двух провинциальных команд из группы «Б» второго чемпионата СССР по канадскому хоккею. Впечатленный их игрой, генерал решает забрать этих двух игроков для усиления игры московского «Динамо». Книга является продолжением романа Александра Санфирова «Вовка-центровой» с разрешения автора.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156229-8

© Шопперт А. Г., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Готлибович Шопперт

Вовка-центровой. Среди легенд

© Андрей Шопперт, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

*Метель, как ураган,
Метет средь бела дня.
Замерзший мальчуган.
О боже, это – я.*

«Сборная Союза»

Поезд полз по промерзшей заснеженной земле. Деревья в снегу, избы редких деревень. Все в снегу. И метель еще. Вышел он из Куйбышева в восемь вечера и должен прибыть в Москву в полночь на следующий день. Билеты генерал Аполлонов купил в плацкартный вагон. Не для себя. Сам ехал в личном вагоне. Большая шишка. Да нет, правда, большая. Все же заместитель министра МВД. Самого же министра звать... (Берия? Нет. Не угадали. Абакумов Виктор Семенович? Опять нет.) Круглов Сергей Никифорович, и он тоже генерал-полковник.

Билеты в плацкартный вагон генерал купил для двух Вовок – Фомина и Третьякова. Вратарь сейчас мирно дрых на нижней полке, высунув ноги поперек прохода и почти полностью его перегородив. Благо два часа ночи, и шастанье по вагону туда-сюда прекратилось, все спят. В вагоне стоит тяжелый дух и холодина одновременно. Пятьдесят с чем-то человек, хотя нет, детей полно, так что человек семьдесят выдыхают углекислый газ, винные и водочные пары, ароматы чеснока и табака. Все это озоном назвать сложно. Плюсом запах портянок и сапог, надраенных гуталином. И поверх всего этого из щелей, которыми изобилует старенький довоенный вагон, врывается запах угля. Паровоз недалече. Первым прицеплен вагон Аполлонова, потом два купейных и вот четвертым вагоном их – плацкартный.

Не все ведь запахи. Про детей уже говорил. Дети разных возрастов. Одни носились весь вечер по вагону, знакомились и играли в войнушку, другие кричали, приняв участие в конкурсе, кто громче надрывается, а между раундами гадили. Некрасивое слово. Дети – цветы жизни. Непонятно, зачем зимой, в такой мороз, эти цветы в продуваемом всеми ветрами вагоне перевозить. Вымерзнут. Груднички эти, а было их четыре человека, человечка, пачкали пеленки, а совсем даже не гадили, с интервалом в пару часов. И ночь их не остановила. Вот только последний хриплым дискантом покричал немного, сообщая матери об очередной порции. Вставать бедняжке, подмывать мелкого пакостника, маслицем смазывать и идти полусонной в туалет с наплывами льда на полу, в ледяной воде эту тряпочку застирывать. Не фланелька. По виду остатки мужниной рубахи.

Бедно живет страна? Хрен там. Бедно, это когда БЕДНО. А тут почти за гранью нищеты. А еще ведь недавно сильнейший удар нанесли по благосостоянию простых людей. Проведена денежная реформа 1947 года.

Федор Челенков про нее матери вовремя сказал, и они небольшие свои сбережения, что копили для обучения Вовки в старших классах, положили в сберкассах. (Здесь, в этом времени, образование после седьмого класса и в институтах платное.) Там при сумме до трех тысяч рублей меняли деньги один к одному. При Гайдаре пытались провести точно такую же реформу, и в обоих случаях эффект половинчатый. Это не реформа 1961 года, когда деньги меняли один к десяти и соответственно в десять раз (ну почти, за редким исключением) и цены понизились. Нет. Деньги просто меняли старые на новые. Причина понятна, за время войны на руках у населения оказалась огромная денежная масса, и ее нужно было изъять. Сам народ почти нищий, задумка была очередной раз ударить по артельщикам, по цеховикам, по спекулянтам. У них деньги, а их можно поменять только один к десяти, да и то ограниченное количество.

Не получилось провести, как задумывали, по той простой причине, что верхи протекли, и в массы ушла информация о механизмах реформы. Все богатенькие бросились снимать деньги в сберкассах и дробить их на трехтысячные вклады на родственников или в другом городе на себя же любимого. Огромные очереди выстроились в сберкассы уже в августе и до самого конца декабря не уменьшались.

Карточки отменили вместе с реформой. Цены на всё почти подняли, а цены в коммерческих магазинах, где разница достигала десяти раз с теми, что выдавали блага по карточкам, снизились в два раза. В результате в коммерческих магазинах теперь разница с государственными всего в два раза. Зарплаты остались те же. И как итог – очередное резкое обнищание народа. Обычного. Артельщики и серые цеховики часть денег потеряли, но жить хуже не стали, а вскоре и вернули себе деньги. А простые люди?

Вот два примера. Мясо. Как было и что стало.

Пайковая цена 12 рублей. Коммерческая – 120 рублей. На базаре можно было купить за 80 рублей. После реформы в магазине установили цену в 30 рублей. Обеспеченным стало легче жить. А простому токарю третьего разряда или кладовщику (Вовке) при зарплате в двести рублей кило говядины можно теперь после отмены карточек только рассматривать сквозь витрину, отстояв многочасовую очередь.

И хлеб. Который всему голова. Пайковая цена около рубля. От сорта зависит и места на карте. Коммерческая – около десяти рублей. На колхозном рынке еще дороже, до тринадцати рублей. После реформы цена в магазине стала три рубля. Еще один продукт стоит назвать, динамика та же, цена интересна. Теперь сливочное масло стало стоить шестьдесят четыре рубля. Ну, зарплату кладовщика помним. Три кило можно купить за месячную зарплату.

Вовка, он же Федор Челенков, уснуть на своей второй полке не мог. Под хлипким, почти прозрачным одеяльцем холодно, забрался тогда вообще под матрас и на жесткой полке теперь толком и не повернуться. От окна дует. Закрыл щель подушкой и лежал с закрытыми глазами, пытаюсь понять, правильно ли поступил, что подчинился рваческому настроению генерала Аполлонова. Увидел председатель спортобщества «Динамо» двоих неплохих игроков на фоне убожества команд второй лиги и захотелось ему заполучить их в свой удел. Обычная практика для этого времени. Один Василий Сталин с его ВВС чего стоит. Всех уже ободрал. А ведь через два года та самая катастрофа, когда практически вся команда погибнет при аварии самолета, и снова Василий Иосифович обдерет все команды в СССР, чтобы возродить свою. Не лучше и ЦДКА, и вот «Динамо». Плохо это или хорошо... Вовка считал, что хорошо. Хотя бы на высшем уровне нужен чемпионат с сильными командами, а иначе как состязаться с зарубежными сборными и клубами. А еще ведь проблема с детскими и юношескими школами, с инвентарем. Просто нет коньков и мячей. Нет клюшек, нет формы. Пусть хоть десять клубов в стране соревнуются, хоть несколько сотен человек, на должном уровне. Через несколько месяцев Аполлонова снимут с поста министра МВД, за всякую хрень типа дешевой мебели, что эки для него сделают. Это для бумаг. На самом деле снимут и назначат председателем вновь созданного Комитета по физкультуре и спорту из-за регулярных позорных проигрышей наших спортсменов на международной арене.

Железный занавес вещь сложная. Он не только шпионов не пускает, он еще и мысли держит по ту сторону. В своем соку вариться можно, иногда и на пользу, но в большинстве случаев во вред.

Вовка под матрасом, по толщине скорее напоминающим ватное одеяло, почти согрелся. Даже в сон начало клонить, но... Тут о себе напомнил мочевого пузыря. Говорит: «А какого черта ты, Вовкофедор, на сон грядущий три стакана кипятка, чем-то подкрашенного, выдул. Ах, мамин пирог с капустой запивал. Одобряю. А теперь пожалуйста на выход».

Из-за матраса, лежащего поверх тушки, пришлось устроиться на животе, что процессу планирования похода к удобствам еще больше способствовало. Тяжко вздохнув, потом ведь

опять согреваться час придется, а там и утро, Вовка вылез из-под обломков уюта и спрыгнул на пол. Ледяной. Прямо обжигает босые ноги. Валенки, с виду вполне себе теплые, тоже обманули. Портянки выложил, и, на босу ногу надев предательские валенки, Фомин устремился в конец вагона. Места им достались почти в самом центре, и пришлось половину пройти. Торчали ноги не первой свежести. В третьем закутке мать перепеленывала того самого полночного испражненца, амбре холода не испугалось, источалось, в последнем стоял чудовищный запах перегара и не менее чудовищный храп. Здоровые люди не храпят? А какие здорово храпят?

Туалет был свободен. Беда только в нем образовалась. Кто-то неудачно в унитаз сходил, и это дело замерзло, потом еще один, потом... Сейчас унитаз был полон газет и всяких других разных вещей, а ведь еще сутки ехать. Что-то тетка в ватных штанах серых, что играла роль проводницы в их вагоне, с этой ролью плохо справлялась. Чая ждали больше часа, титан пустой, и вот удобство неудобное.

За фанерной стеной туалета, с той стороны, где тамбур, мужской голос что-то неразборчиво сипел, а женский плакал. Их дело. Вовка сунул руки под ледяную струю, хорошо хоть вода не перемерзла, и вышел из туалета в вагон. Решил проводнице рассказать про унитаз и постучал в ее каморку. Ни ответа, ни привета. В просвете вагона тоже никто не маячил. Так, может, плакала проводница в тамбуре? Выглянул.

Твою же мать! Что ж не везет-то так.

В тамбуре происходило следующее. Мужчина среднего роста в сером пальто, явно не дешёвом, держал нож у горла проводницы одной рукой и пытался расстегнуть пуговицы на ее ватных «левисах» другой. «Страусы» надеты были явно в обтяжку, и у обладателя пальто дело на лад не шло, тем более что хозяйка ватных штанов ими явно дорожила и снять с себя не позволяла, чуть вертась и отстраняясь и от ножа, и от ручки загребушей. Процедура, по всей видимости, уже какое-то время тянулась, так как проводница почти зажалась в угол тамбура, а гражданин распалился, сипел и слюной брызгал, ничего вокруг не замечая. Вовку, открывшего дверь у него за спиной, тоже.

– Кхм.

Гражданин обернулся. Нож от горла не убрал и руку вторую продолжал греть за поясом ватных «вранглеров».

– Товарищ, я тоже бы хотел поучаствовать.

– Становись в очередь.

– В очередь? Ну, не знаю, а вдруг у вас чего венерического, нос вот ваш мне не нравится.

– Нос?

– Ну да, провалился он у вас, уважаемый.

– Да, врешь ты все, молокосос, все у меня с носом в порядке.

– А теперь?

Не было этого диалога. Вовка ровно секунду раздумывал, если сейчас ударить товарища в пальто, то он может и воткнуть острое финки в горло проводницы. Отвлечь надо.

– Смотри, Гитлер! – Фомин вытянул левую руку, показывая на швабру, застывшую в углу тамбура, в противоположном от места действия.

– Где? – Голова повернулась, и рука с ножом чуть опустилась.

– На бороде! – Вовка прямым джебом правой нос антифашисту сломал.

Звякнула финка, падая на железо у двери, и звякнула голова насильника от второго удара. На этот раз свинг левой. Ударилась о стекло двери на сцепку вагонов и разбила его. Товарищ в красивом сером пальто, даже не хрюкнув, как описывают в бульварных романах, стал сползать по стеночке. В глубоком нокауте пребывал. Растянулся, из носика провалившегося стала лужица нтекать. Фомин его на живот перевернул, а то еще захлебнется кровью и концы отдаст, отвечай потом за него. Ехать вместо Москвы на Колыму (речка такая) Федору не хотелось, да и Вовке не очень.

– А-а-а! – заголосила проводница.

Вовка отпрыгнул.

– Что?

– А-а-а!

– Ясно. Товарищ проводник, а в поезде есть милиция?

Лязгнули зубы, и песня оборвалась на самом верху крещендо.

– Ладно, зайдем с другой стороны. Зовите начальника поезда. Быстро!

Женщина оправила задранную фирменную тужурку, перестав хвастать белым пузом, и мотнула головой туда-сюда.

– Начальник поезда! – напомнил Вовка.

– Спасибо, молодой человек, – проводница еще раз оправила на себе одежду и протиснулась мимо Вовки в вагон.

Фомин потрогал пульс на шее антифашиста. Нормальный. Чуть наполнение страдает, но это уже к врачам. Встал, прошелся от одного выхода к другому. Ночь за окном. Темень. Вечером метель была и сейчас продолжается, наверное, вон завывает, пробиваясь даже через тух-ту-дух. Еще раз прошел, невелика дорога. Три шага в одну сторону, три в другую.

Замерзать Вовка начал, он-то в отличие от специалиста по ватным штанам не в пальто драповом, в свитере драном. Да хоть даже и в целом. И в валенках на босу ногу, а этот любитель сладкого в меховых унтах. Вообще, неплохо упакован индивид. Федор Членков всю жизнь был законопослушным человеком. Даже в машине пристегивался всегда. И дорогу по светофору переходил, почти... А тут вдруг нагнулся и проверил карманы пальто. Ничего, а нет, во втором хорошие кожаные тонкие перчатки. В такой мороз вещь ненужная. А раз ненужная, то и не надо. Антифашисту. Вовка сунул их за голенище валенка. После пальто дело пошло быстрее. В карманах брюк оказалась приличная пачка денег. Рублей пятьсот. Вон даже сторублевые розовые бумажки есть. Дела. Зачем ему в тюрьме? Сколько там за изнасилование дают, да с оружием? Семь лет?! Нет. Точно не пригодятся. Тоже за голенище валенка последовали.

Ух ты! Мать моя женщина! А это чего? Это же золотые часы «Победа» у будущего сидельца на руке. Отберут менты или эки. Да сто процентов менты. Динамовцы. Ох, не хотелось мародерствовать. Ох, заставили. Вот чего он к женщине с ножом лез именно в это время? Нужны ведь часы, а то опоздает на тренировку или на игру. С кем там «Динамо» будет играть? Какие самые важные матчи? Там ведь то ли в прошлом году, то ли в этом чехи заявятся со странным названием. Вот, опоздает на игру с чехами. Международный скандал. Аполлонов его убьет. Придется взять, на ту стипендию, что ему генерал-полковник пообещал, золотые часы не купишь. Это ведь рублей сто. В валенок их.

Всё, главное – вовремя остановиться.

Вовремя, оказывается, начальник поезда через вагон от их. Потом узнал, при составлении протокола.

– Что тут происходит? Ты его вырубил? – Твою ж дивизию, мужик был не меньше ростом, чем старший Фомин, да в плечах если и уступал, то самую малость. В тамбуре сразу стало тесно.

– Я.

– Кто такой? – Товарищ навис над высоким Вовкой.

«А ударим-ка из главного калибра», – решил Фомин.

– Владимир Фомин, мы с генерал-полковником Аполлоновым вместе в Москву едем. Хоккеист. Динамовец. – Всё ведь правда.

– С Аркадием Николаевичем? Динамовец? Замечательно! – прояснилась физиономия у гренадера.

– Надо милицию вызвать...

– Разберемся. Вот что, товарищ хоккеист, помогите мне этого товарища связать, – в руке бугая появилась веревка.

Конечно. Наручники даже у милиционеров еще очень редкая вещь. Агрегат сложный в изготовлении и часто ломающийся. Замочек там очень ненадежный. Ну, и начальник поезда ни разу не милиционер. А потому понятно, веревочка.

Вовка завел обе руки начинающего ворочаться насильника и помог власти связать упыря.

– Я на следующей станции сдам его. А сейчас поднимай его, и пойдем ко мне в купе.

– Товарищ начальник, – пискнула проводница, – станция через пять минут.

– Да? Ладно. Здесь подождем. Что там, Казань?

– Да, Казань. Сорок пять минут стоим.

– Хорошо, успеют протокол составить. А ты, парень, чего здесь ночью делал?

– Кхм, – не хотелось подставлять обладательницу ватных штанов. Но ведь должна быть стопроцентная отмазка. Не курит ведь не соврешь, что выходил подымить. Врать вообще лучше пореже. – Проводницу искал, вышел в туалет, а там засор.

– Татьяна! Опять! – Туша вылетела из тамбура, похлопала дверьми и вернулась (даже соскучиться никто не успел) с красной мордой лица. – Живо пробить. Ох, скажу я твоему отцу, что у тебя в вагоне вечно засоры. Хотя нет, Николай Михайлович такого не заслужил. Иди, убирайся, пять минут у тебя есть. Татьяна, Татьяна...

Ушли ватные штаны. Может, и не насильник? Просто руки хотел погреть?

– Товарищ начальник поезда, а можно я оденусь, а то простыну.

– Одна нога...

Ту-гудым, ту-гудым.

Глава вторая

*Люблю я макароны,
Любовью к ним пылаю неземною.
Люблю я макароны —
И что хотите делайте со мною!
Для вас это – ерунда,
Подумаешь еда!
Полейте их томатом,
Посыпьте черным перцем,
Смешайте с тертым сыром,
Запейте их вином.*

Юлий Ким

Сидели, пили в своем купе чай. Не совсем купе, в том же плацкартном вагоне ехали, но как-то этот закуток ведь называется, пусть будет купе для простоты написания. Было утро. Да даже день уже, одиннадцать часов. Только Канаш проехали. Железнодорожный узел, соединяющий столицу Чувашии Чебоксары с остальным миром.

Вовка вылетел на перрон и купил у торговки вареной картошки и пирожков с рыбой. Дорого, но денег теперь немного было. Даже чуть больше, чем немного, перед Канашем Фомин их из валенка вынул и посчитал, оказалось, что розовых новых сторублевок там не одна, а аж семь штук, плюс другие боны, в сумме получилось без пяти рублей девятьсот. Дядька в «пальте» оказался старателем с Урала, где-то под Нижним Тагилом золото мыл. Деньги получил и решил к себе на 101-й километр податься. Увидел в позе зю подметающую проход проводницу, и выиграло ретивое. Сидел уже за изнасилование. Теперь на вторую ходку раскрутился. Вовку хотели в Казани задержать и вдумчиво показания снять. Пришлось козырнуть Аполлоновым. Не поверили и пошли начальника поезда назад выплепять. Тот подтвердил, и тут какой-то капитан уперся. Нет и все. Дело, мол, нечистое. А у самого лицо нечистое. Весь в следах оспы и еще фурункулы сине-желтый у уха. Бр-р. Не сильно хотелось с ним вдумчиво беседовать Федору Челенкову.

Вовка попросил Ивана Никифоровича – начальника поезда – сообщить генералу. Упирался здоровяк здорово, боялся гнева разбуженного в неурочное время вип-пассажира, но потом махнул рукой:

– Ладно, парень, ты мне почти дочь спас. Это дочь фронтового друга. У него плохо все со здоровьем, сердце шалит. Опекаю, вот и его и дочь тоже, жизнь три раза он мне на фронте спасал. Если бы не ты, мог и его и Татьяны лишиться. Рискну. Разбужу генерала.

Абакумов, и Берия, и Ежов, наверное, больше бы ужаса вызвали, но генерал-полковник в полной форме, орущий на весь линейный отдел в здании железнодорожного вокзала в Казани, тоже зрелище для бывшей столицы Казанского ханства явление неординарное.

– Ты, сучонок, у меня на Сахалин поедешь, завтра же рядовым, там будешь между медведями порядок наводить. На допросы их вызывать.

– Товарищ генерал-полковник, разрешите...

– Пошел вон отсюда. Кругом. Шагом марш. Да, б****, ты и ходить не умеешь. Кто тут старший есть?

И еще пять минут в том же духе. Потом глянул на сидевшего в изоляторе за решеткой Вовку.

– За женщину заступился. От насильника спас. Молодец. Орел. Ты меня, Владимир, второй раз удивляешь. Часов в десять зайди ко мне в вагон.

Вовка добрался до своего места. Попросил что-то шмыгающую носом проводницу разбудить его в девять, мол, «енерал» видеть хотят, опять угнезвился под матрасом, но тут его потрясли за ногу. Оба-на! Проводница.

А у этой проводницы
Шелковистые ресницы!
Ты мне долго-долго будешь сниться,
Проводница, проводница, —

пропел Вовка полушепотом.

Татьяна охнула. Татьяна присела. Татьяна схватилась за щеки.

– Боже...

– Тихо. Тихо. Это песня есть такая. Чего вы хотели?

Убрала руки от щек и одной шлепнула по одеяло-матрасу. Приблизительно по тому месту, где у Вовки зад выпячивался.

– Напугали женщину. У меня сын.

– Поздравляю вас. Вы что-то хотели? – Ну их, этих проводниц.

– Владимир, мне все равно не спать. Ты, если хочешь, иди в мое купе. Там и сквозняков нет, и одеяло у меня толстое.

А чего? Поспать в тепле хоть до девяти часов. Пошел. И прямо вырубил. Еле растолкала его Татьяна. За окнами сумерки еще. Только светать начало.

– Девять часов, Володя. Я тут чай заварила. Будешь с сухариками? Папа жарит с чесночком и лучком.

– Конечно, пойду, умоюсь и зубы почищу.

– Кхм. Там очередь. Большая. Ты лучше к дяде Ване в вагон. Ну, к Ивану Никифоровичу, у него вагон купейный – пассажиров не много.

Зря сухариками хрустел. Теперь выхлоп чесноком. Как от Ван Хельсинга, ну, который с вампирами рубился. Выглянул Вовка в коридор. А там опять очередь. Так и поперся к генералу. Горынычем.

Вагон не производил впечатления – дорохо-богато. Потертое зеленое сукно на столе, да еще и в кляксах чернил. Стулья разномастные. Не для веселого путешествия апартаменты, для рабочих поездок. Вот и к приему Фомина никто не готовился и разносолов с икрой черной и заморской баклажанной не выставлял. За длинным столом для совещаний из закусок был только графин с водой. Сам председатель всесоюзного общества «Динамо» сидел за письменным столом, заваленным бумагами, и что-то строчил перьевой ручкой, часто макая ее бедную с головой в обычную стеклянную непроливайку.

– А, Володя. Ты в следующий раз днем дерись. Разбудили среди ночи, так и не уснул больше. Поворочался и работать пошел. – Аполлонов и правда осунувшимся выглядел.

– Я...

– Да я шучу. Слушай, Володя, я что хотел спросить-то. Вот у тебя форма была другая. Где взял?

Н-да. Где взял, легко ответить. Сам сделал. Труднее, а откуда мысли про такую экипировку. Врать надо красиво. И умно.

– Сам сделал. Смотрел, как люди калечатся на играх, и как-то само в голову пришло, что нужно некоторые места защитить. Нет ведь ни у кого защитного снаряжения. И спортивной формы единой тоже нет. Игроки некоторых команд выходят на лед в футбольных трусах и рейтузах, другие – в сатиновых шароварах, надетых поверх теплого белья, третьи – в байковых

тренировочных костюмах. Слышал от тренера, что в Москве нападающие и защитники покупают в спортивных магазинах тяжелые вратарские щитки для игры в банди и привязывают их к голени. Это затрудняет бег, зато предохраняет от ударов шайбы и клюшки. Вот и экспериментировал. Видели ведь, как меня несколько раз специально соперники и клюшкой били, и о борт ударить хотели. Один прямо по пальцам клюшкой стукнул, хотя уже не играли. Был бы без защиты, в больнице сейчас лежал с переломами голени и пальцев.

– А как же «в хоккей играют настоящие мужики, а не трусы»?

– Аркадий Николаевич. Вот представьте. Просто представьте. Заявились мы в следующем году играть на кубок Шпенглера. Сборной Москвы, например. А в чемпионате Боброву вот так по голени стукнули и сломали ногу Чернышеву, а Анатолию Викторову пальцы сломали. Тот же товарищ, что и мне хотел. Поедем на кубок без ведущих игроков и проиграем позорно, а все потому, что не надели амуницию, все потому, что не трусы. Приедут проигравшие хоккеисты, а руководство нашей страны решит, что раз проигрываем, то и не нужно этот спорт развивать. Или играют все у нас в хорошей защитной экипировке. Специалистами изготовленной по моим образцам. И все здоровые поехали на этот турнир и завоевали первое место. Кубок в СССР привезли и выставили в стеклянном ящике перед входом на стадион «Динамо». И у нас народ будет гордиться нашими победами, и там, на Западе, будут знать, что у нас выросло поколение победителей, и нам все равно надо воевать и побеждать. Или играть в хоккей и побеждать. Мы всегда победители.

– Ух ты! Словно не пацан шестнадцатилетний, а член ЦК сказал. Сильно. Можешь все это на бумаге оформить? Я команду дам, в «Советском спорте» напечатают! – генерал от избытка чувств даже вскочил и круг у Вовки за спиной сделал. Потом подошел и хлопнул его по плечу.

– Ох! – Хлопок так хлопок, чуть ножки у стула не подломились. Точно синяк будет.

– Молодец, Володя. Вот этого мне и не хватало. Статью в «Комсомольской правде» читал?

– Нет. – Такой газеты и не выписывали в тех местах, где он мог прочесть. Только если специально в библиотеку идти, так еле живым вечером до дому после тренировок добирался.

– Держи. И скажи, как прочтешь, что думаешь, – Аполлонов сунул ему «Комсомолку» со статьей на первой странице, исчерканной карандашом. – Да, кто бы сказал. До седых волос дожил и у пацана совета спрашиваю. – Вовка оторвался от статьи. – Да ты читай, – увидел генерал-полковник, – это я по старости сам с собой уже разговариваю.

Газета была от 11 января 1948 года. И заголовок в «Комсомольской правде» придумали красивый – «Законный вопрос». Вовка прочитал. Потом посмотрел на генерала и попросил дать ему еще раз прочитать, получив кивок, прочел еще раз. Молодцы. Статья была замечательна своей резкостью и бескомпромиссностью. Передовица и подписей нет. Писал или писали ее люди, явно болеющие всей душой за «народный» русский хоккей, только вот, сами того не желая, авторы фактически признали начало конца гегемонии русского хоккея в СССР. В статье выражается недовольство тем, что «многие комитеты по делам физкультуры и спорта, добровольные общества занялись развитием канадского хоккея, совершенно забросив русский хоккей». А ниже идет обвинение канадского хоккея в том, что он буржуазен по своей сути и поэтому чужд советскому человеку. Но обвинениями в адрес самой игры автор или авторы не ограничиваются, обвиняя газету «Советский спорт» в неправильно занятой позиции по этому вопросу: будто журналисты «Советского спорта» захлебываются от восторга при рассказах о первенстве по канадскому хоккею и успехах советских хоккеистов и специально порочат русский хоккей.

– Не правы они.

– В чем же? Ты, вот, как молодежь, что думаешь? – Аполлонов глянул на заваленный бумагами стол.

Вовка взгляд перехватил. Так вот он над чем всю ночь работал.

– Я знаю, как ответная статья в «Советском спорте» должна называться, – улыбнулся Фомин.

– Ну-ка, ну-ка! – сел на краешек стола генерал и прямо вперился в Вовку.

– «Ненужное противостояние».

– Ладно, название принимается. Так название не главное, ты суть давай.

– Товарищ генерал-полковник, а можно мне карандаш и пару листков бумаги, я сяду у себя в вагоне и тезисы накидаю. Я ведь не журналист. Я семь классов только окончил. Ошибок понаделаю. А вы потом какому журналисту мои тезисы покажете из «Советского спорта», и он хорошую статью напишет, – попытался снизить градус вовлеченности Вовка.

– Твою мать! Вот что ты за человек, Фомин?! Я тут, понимаешь, всю ночь пишу, рву и снова пишу. Завтра должна статья выйти в «Советском спорте». Не просто ведь всё. У русского хоккея полно защитников на самом верху. – Аполлонов ткнул пальцев в потолок вагона. Вовка себе верх представлял именно вот сидящим перед ним заместителем министра МВД. А там еще выше есть? Аполлонов между тем снова пару восьмерок нарезал. – До двух часов у тебя время. В два обедаю. Стоп. Приходите оба на обед, я команду в вагон-ресторан дам. Разносолов особых не будет. Всё...

– Товарищ...

– Аркадий Николаевич.

– Товарищ Аркадий Николаевич, вы мне свои черновики не дадите, – хоть вникнуть в суть вопроса.

– Бери. Вот эти два листа. Последний вариант. Всё, иди, Володя. Может, теперь хоть усну.

Только дошел до своего вагона, а тут Чебоксары и стоит поезд прилично. Сбегал, купил поесть и растолкал Третьякова. Когда еще те два часа, а молодому растущему организму нужны белки и углеводы. Есть ведь в пирожках пару граммов рыбы, значит, и по одному углеводу на брата должно быть.

После перекуса с настоящим горячим чаем, что от щедрот отлила Татьяна, Фомин залез на верхнюю полку и углубился в мысли генерала, или каляки-маляки. Ну, если нужно загубить дело, то именно такая статья и нужна. Сплошь оправдания и извинения, не буквально, понятно, но смысл статьи именно в этом.

Давным-давно, еще когда учился в институте, Федор Челенков прослушал лекцию о первых годах канадского хоккея в СССР. О становлении. Полно было проблем, и вот что говорил об этом Анатолий Тарасов: «Почему сомнения появлялись? Потому, что у ряда наших самых выдающихся хоккеистов, мастеров хоккея с мячом, – Михаила Якушина, Павла Короткова, Александра Игумнова, Валентина Гранаткина – игра не пошла. А если уж не получается у великих...»

Вот от этого и будем плясать. Легко сказать. До двух и промучился.

Пришли в вагон к генералу они с Третьяковым с урчанием в желудках. Только раздражили аппетит пирожками да картохой. И когда это было. Полжизни назад. Обед как обед. Борщ с мясом на первое. Жиденький. Гречка с котлетой. Маленькой. Компот. Почти не сладкий. Булочка. Воздушная. Хоть хлеба в избытке. Они уже с тезкой компот допивали, когда Аполлонов отставил тарелку с борщом, чуть не доев.

– Лихо. Поговорку мне отец в детстве часто повторял: «Кто плохо ест – плохо работает». Кулаки, говорил, так работников нанимали. Поставят огромную миску с кашей и смотрят, кто как ест. Самые прожорливых и нанимали, – зам министра подвинул к себе второе. – Может, поделите? Не лезет. Только проснулся.

Два раза просить не надо. Ну, и потом можно будет, сплевывая через зуб, рассказывать, что кашу из одной миски с грозным генералом Аполлоновым ели. Тем самым, что выселял во время войны целые народы с Кавказа, да и не только с Кавказа.

– Аркадий Николаевич, – неожиданно влез Третьяков, – а как вы себе наше будущее в «Динамо» видите. Там такие зубры играют. Не выпустит нас на лед Аркадий Чернышев.

– Ты хитрый, пацан! Хочешь, чтобы я пришел, кулаком по столу стукнул, а ну, тренер, ставь этих пацанов на игру. Покажите на тренировках себя. Заслужите место в первом составе. Потом, это ведь не последний в вашей жизни чемпионат. Будет и следующий год. Может, вам и правда нужно заматереть и опыта набраться. Про жизнь вашу в Москве говорил уже и вам, и отцу твоему, Владимир. Жить будете в общежитии МВД, для хороших игроков найдем места без проблем. К сожалению, возраст у вас подкачал, так что получать пока можно только будет стипендию от общества. Но если все пойдет, как надо, через год-два возьмем в милицию, дадим звание, и зарплата прибавится. Кроме того, не забывайте, что на сборах и на соревнованиях будете получать талоны на усиленное питание. Ну, а вечернюю школу выберете любую – это без проблем.

Вовка пока писал статью в «Советский спорт», тоже думал про житье-бытье в столице. И интересная ему мысль в голову пришла. А чего, за спрос денег не берут.

– Аркадий Николаевич, – Вовка с тоской проводил исчезающую в генеральском рту булочку, – а вы ведь можете нам приказать новые паспорта выдать. Третьякову год добавить, а мне полтора. Скажем, у меня день рождения третьего января, а у Вовки второго. Тогда нам будет по восемнадцать лет, и нас можно устроить на работу в милицию.

– Хрена себе! Ты, Володя, откуда такой взялся, не с Марса? Может, ты инопланетянин? Амуницию выдумал, какой нет нигде, статью замечательную написал. Про ошибки не знаю, там проверят, кому положено, а вот по содержанию мне понравилось. Я с тобой вместе подпишусь, для авторитета и тренера вашего Чернышева еще возьмем за компанию. Достойный ответ «комсомольцам». Теперь вот с паспортами. Точно не с Марса?

– С Тау Кита, – оттуда же к Высоцкому инопланетянка прилетела.

– Проблема есть. В милицию берут только после армии. А что – мысль хорошая. Чего мне-то самому в голову не пришла? Гайдар вон себе приписал годков и в свои шестнадцать уже полком командовал. И во время войны многие себе годки приписывали, чтобы на фронт попасть. Вы ведь тоже не в тыл. Подумаю. Проблем-то нет. Ну, паспорта новые сделать и даже свидетельства о рождении. Потеряли старые во время войны. Давайте, парни, так. Две недели вам. Покажете себя, и будете милиционерами. У тебя вон и задержание опасного преступника уже есть. Где так драться научился?

– У нас поселок такой, без бокса труба, – пожал Фомин плечами.

– Н-да, много после войны шпаны всякой и урок образовалось. Ну что, договорились? Две недели у вас испытательного срока.

Глава третья

*На стадионе в центре Москвы
Бились всегда за нас тигры и львы.
Наши легенды помним и чтим,
Нашу историю гордо храним.
Мы «Динамо» – это навсегда
Выбор сделан, вера тверда.*

Николай Арутюнов

И опять ночь бессонная. Фомин сидел на кресле в зале ожидания на Казанском вокзале в Москве и честно пытался заснуть. Все мысли из головы вымел и не давал новым туда забраться. И ничего. Не спалось, может, из-за того, что днем выспался, после генеральского обеда до семи вечера проспал. На глазах теплело, метель за окном унялась, и даже стало солнышко временами выскакивать на несколько минут из облаков. Пришли с Третьяковым и спать завалились, даже матрасом укрываться не пришлось. Проснулся от дергания за ногу. Опять Татьяна с материнской заботой. Осмотрелся. Ба! Да она его еще и своим одеялом успела укрыть. Правильно в мультике говорят: «Делай добрые дела и кидай их в воду».

– Мальчики, живо вставайте, я вам чаю заварила, и печенье выдам из резерва дяди Вани.

Третьяков и сейчас спит. Завидно. Генерал сошел на перрон, осмотрел двух хоккеистов с огромными самодельными баулами и чемоданами и чертыхнулся.

– Твою ж налево. И чего не подсказал, раз такой умный, – не зло, но осуждающе попенял Фомину. – Полночь ведь. Куда я вас дену? Не домой же к себе. Жена не оценит. Да и дочь приболела. Простыла. Общежитие закрыто на ночь и там только вахтер, некому селить. На гостиницу у вас денег нет, – Аполлонов почесал репу под папахой. Красивая. Новая. С круглой генеральской кокардой и васильковым верхом, обшитым золотым сутажем.

– И что нам теперь делать? – вылез Третьяков.

Ребенок наивный, генеральские проблемы решать надо, а не вешать на него новые и свои. Ничем хорошим это не закончится.

– Аркадий Николаевич, мы можем на вокзале до утра перекантоваться, а к восьми приехать на стадион «Динамо», – решил поучаствовать в прениях Вовка.

– Молодец! Ты мне, Владимир, определенно нравишься начинаешь. Ординарцем тебя взять? Нет, помоги «Динамо», что-то не идет игра у них в последнее время. Пошли на вокзал, команду дам, чтобы вас в депутатском зале ожидания устроили на ночь.

Дал. Устроили. В смысле тетечка хмуро посмотрела на пацанов и сказала:

– Сели вон в том углу и тихо мне. Депутаты хреновы!

Благо в этом углу аж две батареи. Тепло. А в буфете даже беляши есть с мясом и бутерброды с красной рыбой. Истратили почти тридцать рублей, но наелись. До икоты. В каком ресторане столько дефицитов и за триста рубликов не купишь. И запили настоящим нарзаном в стеклянных темно-синих бутылках. Лепота! Жизнь удалась. Вовка Третьяков сыто икнул, запрокинул голову, вытянул свои длиннющие ноги-ходули и отрубился. Умеют же люди. А вот Фомину не спалось. Отбросил в дальний угол головы желание заснуть и стал вспоминать все, что он в последнее время прочел в газетах про команду «Динамо» (Москва) и про весь канадский хоккей, который сейчас в противовес русскому хоккею – бенди, называют – шинди.

Как там сказал генерал, не идет игра в последнее время? Хуже все. Наверное, комплексы нажились. Хоть на выезде, хоть дома «Динамо» громит всех соперников, иногда просто с астрономическим счетом, как 9:2 и 8:1 «Спартак» из Каунаса. Не идет игра с лидерами, даже

на своем стадионе. А уж тем более «на выезде». Выездом при этом эти игры назвать нельзя – дерби. ЦДКА, «Спартак» и ВВС все клубы московские. ЦДКА вообще сейчас монстр, ведомый двумя супермонстрами. Старший тренер (играющий, каждую игру по одной-две шайбы соперникам заносит) Анатолий Тарасов, а лучший бомбардир – Всеволод Бобров. Да плюсом Евгений Бабич у них. Один из лучших распасовщиков страны.

У «Динамо» своих звезд хватает. Стоит отметить, что Всеволод Блинков, Василий Трофимов и Сергей Соловьев из той самой футбольной команды лейтенантов, что так успешно выступила в Англии два года назад. Даже «Арсеналу» напинали и «Челси» не проиграли.

В чем беда? Были ведь в прошлом году чемпионами первого чемпионата страны динамовцы. С одной стороны, беду человеку из будущего видно невооруженным взглядом, в команде всего двенадцать человек, из них двое – вратари. Однако это на самом деле одна сторона. Ведь то же самое и в других командах. Основные игроки, типа Боброва, проводят на площадке весь матч без замены и отдыха, только перерыв между периодами. Вот теперь на два человека увеличится команда. Хрен! Один – опять вратарь. То есть один Вовка должен склонить чашу весов? Шестнадцатилетний пацан?! Против Боброва и Тарасова! Даже не смешно. Нужна коллективная игра, а ее противопоставить индивидуальному мастерству Тарасова и Боброва. Оставить их без шайб. Ну, для начала нужно хотя бы выйти на лед.

Чемпионат в этом году, в отличие от прошлогоднего – первого чемпионата с очень сложным графиком, сделан гладким. Десять команд играют в два круга у себя и в гостях. Пять команд из Москвы, две из Ленинграда и три прибалтийские команды. Почему Прибалтика? Очень просто. Там играли в канадский хоккей еще до войны и с радостью его возродили в 1946 году. Есть еще чемпионат «Б», там тот же принцип, но там пятнадцать команд и есть сложный чемпионат по зонам РСФСР. Там совсем все плохо. Уже половина матчей сорвано. Не приехали соперники. Скорее всего, у предприятий, при которых команды, тупо денег нет.

Что еще интересного вычитал. Да, есть прямо прикольный момент. В прошлом году размеры площадки ограничивали, как и в русском хоккее, поваленными на бок скамейками, и вся прелесть хоккея с шайбой – игра у борта, оказалась просто невозможной, да и борта низкие. Шайба часто улетала за пределы площадки и терялась в снегу. С шайбами, как и с клюшками, все плохо, ее долго искали и возвращали в игру. Отбирая, бывало, у зрителей с дракой и разбитыми носами. Во втором чемпионате, то есть в этом, борта нарастили до нормальной величины – 107 сантиметров. И поперло?! Два раза «ха»! Ведь на этом же самом поле проводятся игры и по русскому хоккею. А значит, закреплять борта нельзя, на следующий день убирать. Сколотили щиты и прибили их к тем же скамейкам. Почти все, нет ведь лишних стадионов, а значит, борта есть, а играть, используя их, опять нельзя. Они просто завалятся. Вот у них в Куйбышеве сделали один стадион отдельно, и зрители на деревьях висели, трибун почти нет. Не успели как следует подготовиться. А здесь огромный стадион «Динамо». Тут борта с контрфорсами, замороженными в лед, не установишь. И ничего не придумаешь? Подумать надо. Долго ведь делить двум хоккеям и футболу один стадион и одних игроков.

– Эй, пионеры, вставайте, завтракайте и выметайтесь. Время половина седьмого. Скоро начальник вокзала придет, увидит вас, мне достанется, – заведующая депутатским залом, или как ее должность называется, трясла Вовку за плечо. Уснул-таки. Хорошо. День непредсказуемый. И хлопотный. Устроиться в общежитие, познакомиться с командой, как-то быт в этой общаге наладить. Примус попытаться добыть или электроплитку. Кастрюли. Да много чего надо. Дома только ложки с вилками взяли. И подстаканник мать Вовке всучила. Дома не пользовался никогда, а тут барствовать будет. Стаканов тоже нет. Зато есть у Третьякова стальная кружка.

Купили те же беляши, их даже подогрели в духовке. Фомин сразу в этой жизни решил в депутаты выбиться. Сжевали беляши и бутерброды, умылись в туалете с теплой водой и потянулись к выходу.

Федор Челенков Москву знал хорошо, потому уверенно зашагал к входу в метро. Площадь трех вокзалов на месте, не заблудиться. Спустились. Билеты оказались по сорок копеек, почти бесплатно. Скоро должны поднять до пятидесяти, слухи ходят. Федор с улыбкой вспомнил 1997 год, когда цена билета достигла максимума. 2000 рублей за один билет.

До «Динамо» без пересадок не доедешь. На них косились с баулами да чемоданами, но народу было не много. Еще не забито, как в будущем метро, да и рано, на работу народ только собирается. Пока ехали в скрипучих вагонах метро, Челенков вспомнил нашумевшую статью в «Советском спорте», год точно не помнил, но перестройка уже была, раньше бы не опубликовали. Статья о том, как «Динамо» досталось первое место в прошлом году. Случай, заслуживающий внимания. Перед последним и решающим матчем ЦДКА с «Динамо» за первое место врач команды ЦДКА «угостил» хоккеистов фенамином, таблетками, своеобразным допингом. Там есть нюансик, таблетка после приема оказывает воздействие через определенное время. Но начало матча перенесли, и когда хоккеисты вышли на лед, то ощутили апатию и усталость. Первые жертвы допинга. Ну, и травма Боброва резко снизила возможности армейцев. Сейчас здоров как бык и на пике формы, без всякого фенамина обходится.

Приехали, вышли. Время без двадцати восемь. Подошли к центральному входу стадиона, думали, закрыт. Нет, даже люди за дверьми оказались. Вошли, сгрузили баулы и огляделись. К ним тут же вахтер прихромал. Военный китель без погон, но с орденами и медалями.

– Вам чего, молодые люди? – смотрит, как сквозь прицел танковый.

– Нам бы Чернышева Аркадия Ивановича, – вышел чуть вперед Фомин.

– Зачем? – любопытный товарищ.

– Играть будем за «Динамо», – вылез Третьяков.

– За юношей? – допрос целый.

– Нас генерал-полковник Аполлонов пригласил в основной состав «Динамо», – пора бить из главных калибров.

– Ох, мать твою! Иваныч! Тут по твою душу. Асов прислали.

Вся группа людей, что стояла и разговаривала у входа, прямо ринулась к ним. Подошли быстрым шагом и стали по кругу обходить, рассматривать. Мелкие все. Третьяков их на две головы выше со своими двумя метрами, да и Вовка с метром восемьдесят на голову почти всех выше. Не старые еще, некоторые в шрамах и все со стальными зубами и неровно сросшимися бугроватыми губами. Как бандиты и драчуны какие.

– Фомин и Третьяков? – закончил круг почета играющий тренер «Динамо». Вовка его по фото в газете узнал.

– Так точно. – Майор, кажется, сейчас Чернышев.

– Звонил генерал Аполлонов. Сказал вас не трогать. Скоро сам приедет и все объяснит. Слушай, парень, – тренер приблизился к Фомину и даже на цыпочки встал, – ты, правда, думаешь, что сможешь играть в нашей команде?

– Извините, но для ответа нужно потренироваться с вами и сыграть хотя бы в спарринге. А лучше в ответственном матче с сильной командой. А иначе, как судить вам о моих возможностях, а мне о ваших, – как можно шире улыбнулся Вовка.

– Шутник. Хорошо. Может, и действительно молодой Бобров? Он анекдоты любит рассказывать. У тебя как с ними? – Станный разговор, явно выбит из колеи тренер-легенда звонком председателя спортобщества «Динамо» и по совместительству заместителя министра МВД.

– А чего, собирайте народ. Выступлю.

– Ну, ты гусь! – хлопнул по руке Вовку Чернышев, до плеча еще ведь тянуться надо. – Ребята, идите сюда. Тут артист нарисовался.

Так эти десять человек и есть все «Динамо»?! Твою ж налево! Как тут можно чего-то выиграть?!

Собрались и смотрят оценивающе. Ну, начнем вживаться в коллектив. Главное, помнить надо, что сейчас за анекдот могут расстрелять. Потому местом действия пусть будет США.

Что рассказать? Пошлое нужно, но в меру, чтобы всем понравилось.

– Это не анекдот будет, а зарисовка из жизни богатого американского фермера.

– У-у-у, – зашумели.

– Вбегает шестилетняя девочка домой и кричит маме: «Мама, мама, у нас на сеновале голые». – «Кхм, – краснеет мама. – Это, наверное, какие-то дикие, вот у них и нет одежды». – «Ну, не знаю, – пожимает плечиками девочка, – тетя-то точно дикая, орет как сумасшедшая и стонет, а папа у нас разве дикий?»

Хрюк. И потом общий гогот. Простые люди. На бородатый анекдот такая реакция.

– Ты, артист, полегче, чуть сердце не зашлось, – первым набрал воздуха молодой парень с большим картофелеобразным носом.

– Ну, молоток! Еще знаешь? – отсмеялся и Чернышев.

– Еще? Ладно. Мне твоя жена вчера такой смешной анекдот в трамвае рассказала, что я чуть с кровати не упал.

Тишина, потом хихикнул тот самый с носом.

– Кровати в трамвае, – пояснил он народу. И тут грянуло.

– Что тут творится, – рыкнули сзади. Обана, генерал-полковник Аполлонов собственной персоной.

Народ, как мог, встал по стойке «смирно». Очень высокое милицееское начальство пожаловало.

– Аркадий, так что вы ржете, как кони стоялые? – Встал ведь в такую рань ради двух Вовок. Фомин прямо проникся к генералу. Может, помочь ему, сказать про мебель? Подумать надо.

– Да вот Фомин смешные истории рассказывает из жизни американских фермеров.

– А ты, Володя, в Америке был, что ли? – глаза выпучил.

– Да что вы, Аркадий Николаевич. Это просто преамбула к анекдоту.

– Преамбула?! Мать твою! Ты семилетку закончил? Ох, интересный ты парень, Фомин. Что за анекдот-то? – покрутил головой в сомнениях, может, этот мальчик и точно с Тау Кита, как и говорит.

– Можно другой, товарищ генерал. Жизненный. У нас в Куйбышеве говорят, что вратарь московского «Динамо» Павел Забелин жутко боится шайбы. Но у него очень неважная реакция, и ему редко удастся увернуться.

– С-сука, – прохохотавшись вместе с командой над покрасневшим, как рак, Павлом, одобрил анекдот Аполлонов. – Еще можешь? Жизненный. Про хоккей.

– Можно. Приятель приглашает друга на хоккей. Тот отказывается – жена не пускает. «А ты задери ей юбку, всыпь ремня как следует и уходи». На хоккей друг не пришел. Приятель его спрашивает: «Ты сделал, как я учил?» – «Да, задрал юбку, посмотрел и подумал: на фигу мне этот хоккей?»

Пять минут ржали. в вестибюле собралась целая толпа.

– Видишь, Аркадий, какого я тебе кадра привез. Он и на льду такой. Шутит над соперниками. Ладно. Закончили дебаты. У вас завтра игра? Вот попробуй только не попробовать этих двоих. Я тогда попробую разозлиться. Так, сейчас я их забираю. На часик, устрою в общежитие и назад привезу. За амуницию, – Аполлонов ткнул в баулы, – головой отвечаешь. Это почти государственная тайна. Чтобы пост выставили. С кем играете, я тут занят был, все в голове перемешалось? С «Крыльшками»?

– Так точно, товарищ генерал-полковник.

– Обязательно буду. Всё, ребяташки, берите чемоданы и за мной.

В «Победе» Аполлонов обернулся к притихшим ребятам и пояснил:

– Плохо все с жильем в Москве, сами понимаете. Такая война. Еле нашел для вас местечко. Хотел в обычное общежитие, но нигде мест нет, пришлось в совсем уж не по чину жилплощадь вас определить. Будете жить в общежитии Высшей офицерской школы МВД СССР. Это по Малому Ивановскому переулку, дом два. Там до метро «Площадь Революции» с километр. Утром пробежаться. Вы же спортсмены. Приехали.

Вовка генерала слушал, но сам в окно уставился. Да, еще разрушенные здания есть, не все разобрали и отстроили заново. В основном маленькие коробочки двухэтажных домов, только в самом центре дома повыше. Машин почти нет. Автобусов тоже, зато маленькие неказистые трамваи в огромном количестве. И людей в них битком. Ну, конечно, сейчас-то уже люди с работы с ночной смены едут и те, кто на работу к девяти. Бурлит жизнь в столице. Вон и детишки с красными флажками улицу переходят, не иначе в музей идут.

Вылезли из «Победы» на мороз. В ней тоже не жара, ну, хоть ветра нет. А тут ветер вдоль улицы промозглый. Улицы? Со всех сторон церкви да соборы. А надпись «Общежитие № 3», надо понимать, на входе в бывший монастырь. Ого. В келье будут жить.

Так и оказалось. Однорукий мужчина с буденновскими усами в офицерском кителе с несколькими орденами и медалями, и тремя нашивками за ранение, желтой, красной и черной, проводил их на второй этаж и открыл своим ключом келью-комнату. Малюсенькую с двухэтажными нарами и письменным столом с настольной лампой под зеленым абажуром. Штор и занавесок нет. Есть стул со сломанной ножкой.

– Починим, – буркнул комендант и, осмотрев Вовок, пробухтел: – Всяких тут постояльцев видел, но таких молодых в первый раз. Да еще и зам министра привез. Вы кто, ребята?

Глава четвертая

*Мой конек скок-поскок,
Режет лед, словно масло.
Верный знак: будет синяк,
Значит, жизнь не напрасна.
Я скользю и твержусь
Про себя, как заклятье:
«Помни: шайба – не игрушка,
Это маленькая мушка
На суровой ледяной щеке».*

«Смешарики»

Вся команда «Динамо» стояла и смотрела раскрыв рты, как облачается в свои самодельные доспехи Фомин. Вовка попросил специально Третьякова облачиться после того, как сам закончит. Тут вообще челюсти у некоторых, и сломанные, и не сломанные, попадали на холодный бетон раздевалки. Подобрали их чемпионы страны, вставили на место и осмотрели себя критически. Спортивные штаны с отвисшими коленками, рубашки шерстяные тоненькие, у некоторых вязанные спортивные шапочки, вот и вся защита от ударов клюшек и попадания мороженой шайбы на скорости в семьдесят километров в час. Нет, еще есть защита у некоторых, у вратаря обычная шапка-ушанка. У второго Михаила Степанова обычная кепка. Ну, как у Хомича или Яшина будет.

– Мешать будет, – высказал свое мнение основной в этом году вратарь, Павел Забелин, и ткнул пальцем в маску вратарскую.

– Посмотрим, – менее категорично прокомментировал действие Чернышев. – Всё, мужики, курните и на лед, разминаться будем.

«Курните?!» – и это тренер команде перед тренировкой. Полный кирдык. И все ведь взрослые дядьки, уже не переделать их. Вовка с тоской посмотрел на стопроцентный исход команды. А нет, один вот остался. Сергей Соловьев – один из знаменитой команды лейтенантов.

– Пойдем, Артист, дорогу покажу.

Поцокали по бетону, нет еще чехлов для лезвий. Ну, вот и первое «прогрессорство» можно внедрить, про пластмассовые не стоит и думать, а вот сшить из брезента и пары резинок даже на руках можно. Да и нужно.

Зато сразу рухнуло другое усовершенствование, что хотел внедрить. Оказывается, матчи по «хоккею с шайбой», как велено в этом году называть канадский хоккей, проходят не на основном стадионе «Динамо», а на боковой пристройке. Получается, что зря инженерил, решая, как борта закреплять так, чтобы их можно было снимать перед матчами в русский хоккей. Даже до закладных элементов, в лед вмурованных, додумался с резьбой и вворачиванием труб в эти закладные. Выкрутил после матча трубы и опять большое поле, только пару ведер воды в дырки залил. Зря, в общем, мозги напрягал. «Все украдено до нас». Боковое поле было летом, скорее всего, полем для тренировок. Поставили деревянные борта и завалили их с той стороны снегом, для надежности. Трибуна только одна, небольшая, стоят в пять рядов скамейки, к стене стадиона прилепленные. Есть еще одна трибуна! Голь на выдумки хитра. Нагородили с противоположной стороны огромную кучу снега, и в ней энтузиасты вырубили уступы и ступеньки. Амфитеатр, мать его! Колизей из снега. С боков поля стоят лавочки для команд и тренеров, и с правой стороны еще одна калитка есть. Н-да. Жаль, фотоаппарата нет,

и нельзя эти кадры в будущее себе отправить. Из решеток и заграждений, которыми рассекают толпу болельщиков на входе в стадион, сделана самая настоящая клетка. Как в зверинце каком. И табличка. «Скамья для штрафников». А чего? Страна должна знать своих «героев»! Нарушил правила и сиди в клетке. Шутка вспомнилась из тех времен: «Нравится мне хоккей, долбанул человеку по голове клюшкой от души, и все наказание за это – две минуты отдохнуть на скамейке».

Проехался Вовка по льду. Вечером заливали, не искромсан еще. Заливал конченный дебил. Холодной водой. Потому сплошные наплывы и ступеньки. Или все еще хуже, и на стадион не заведена горячая вода? Проехал по этим ступенькам. Непросто будет. Как-то к такому льду привыкать придется. Запнуться не «можно», а определенно запнешься, и не раз за игру.

Потрогал надежность бортов. Как каменные. Только сделаны из нестроганых досок, и нахватать заноз в тоненьких штанишках можно без проблем, а если незащищенной физиономией тебя по этим занозам шаркнут... Так можно и уродом на всю жизнь остаться. Слава богу, на нем такая же сетка, как и на вратаре. Доехал до ворот, ну, хоть не закреплены. А то в Куйбышеве додумались их вморозить в лед. Чтобы переломать игроков, не иначе.

– Тут у нас проводятся все матчи московских команд. И между собой, и с приезжими, – подкатил к нему Чернышев. Тоже, блин, в кепке.

– То есть это главная площадка страны, отсюда Синявский комментирует?

– Точно. Вон, видишь, у него будочка рядом со столбом электрическим.

И правда. Скворечник в прямом смысле этого слова, прилепленный к столбу. И столб стоит не просто так. Над всем стадионом поперек поля протянуты около десятка проводов, и там видны патроны и лампочки, сейчас не горят, но зима ведь, темнеет рано, и матчи, значит, если не в воскресенье проводятся, то при искусственном освещении. Всё для болельщиков. Один стадион на всю Москву. Значит, соперники тренируются на больших площадках, все еще скамейками ограниченных, а потому играть в борт не умеют. Запомнить это надо. Вот завтра и посмотрим.

– Давайте на разминку со всеми вместе, – поманил играющий тренер за собой вставших чуть в сторонке двух Вовок.

Минут пять катались по кругу, пару раз ускоряясь цепочкой, потом пару раз нырнули вперед рыбкой, проехали половинку круга задом. Всё!!! Пришел пацанчик лет двенадцати и высыпал на лед ведро шайб. Штук пятнадцать-двадцать. И все начали бить по пустым воротам, когда шайбы закончились, пацан их собрал и опять высыпал. Еще побили. Так раз пять. И потом еще один раз с Забелиным на воротах, а второй со Степановым.

– Иди, твоя очередь, – подтолкнул к воротам Третьякова Чернышев.

Один Вовка покатился в ворота, а второй к борту, чтобы со стороны посмотреть на процесс. Что можно сказать? Можно сказать, что поднимать шайбу не умеют. А если она и отрывается ото льда, то не по хотению игрока, а по недоразумению. И летит в таком случае не куда нужно, а куда захочется гравитации и приложенному неудачно моменту силы. И, естественно, летит «бабочкой». Девяносто же шайб из ста летит низом. Все до единой Третьяков их взял, а летящие, кувыряясь, верхом, перехватил ловушкой. У динамовских вратарей не было. Простые краги надеты. Вовка хотел было выпендриться и покидать Забелину верхом, отправляя шайбу щелчком. Уже даже замахнулся, когда его очередь настала, и передумал. Сейчас будет спарринг, и вот тогда эти удары будут для вратаря полной неожиданностью.

После того, как каждый раз по десять пробил по воротам Третьякова, Чернышев свистнул, и пацан, собрав шайбы в очередной раз, унес их с поля. Народ бросился к длинному Вовке, рассматривать ловушку, а тренер подъехал к стоящему у борта Фомину.

– Пару игр точно поможет выиграть! Потом все понаделают, – и кривая усмешка.

– Аркадий Иванович, не все так просто, Третьяков не с первого броска их брать научился, и потом, Вовка – гений, у остальных так не получится. Только ведь это плохо, а не хорошо.

Нужно, чтобы у всех вратарей такие были. Чтобы игра на новый уровень поднялась. Победа в своем чемпионате, безусловно, важна, но гораздо важнее выиграть чемпионат мира и Олимпиаду. На эту уже не успеем. А вот через четыре года у нас все вратари хоккейные должны так уметь, чтобы было из кого выбирать.

– Прислали, блин! Парень, ты пока не в сборной СССР, которой нет, и еще десяток лет не будет. Ты в московском «Динамо», и нам нужно повторить прошлогодний успех. Нужно выиграть этот чемпионат. И это против Боброва и Тарасова.

– Аркадий Иванович! – Вовка разозлился. – Хотите будущее предскажу. Сборную создадут через полтора месяца. И мы с вами будем в ней.

– Блаженный ты. – Тренер «Динамо» махнул рукой. – Пошли, сыграем тренировочный матч.

– Подождите, Аркадий Иванович. Можно я себе команду выберу? – борзеть так борзеть, но нужно сразу показать товар лицом, легче будем потом продвигать новшества. Чтобы не в штыки встречали придурь и блажь пацана безусого.

– Точно блаженный! Подожди, скажи состав *«твоей»* команды, – улыбка до ушей.

Фигня. Удивим. Он сейчас думает, что я лучших попрошу. Не угадал. Нужны исполнительные, и не лидеры. Весь «Советский спорт» за последние полтора года Фомин прочел и мнение об игроках составил. Вот теперь и проверим. Испытаем теорию практикой.

– Я, Третьяков...

– Предсказуемо! – опять улыбка. Вовка не стал гримасничать и назвал двух защитников и двух нападающих.

– Василий Комаров, Револьд Леонов – это защитники. Сергей Соловьев и Виктор Климович – нападающие.

– Хм. Не Блинков и не Поставнин? Ну, лады. Если бы не приказ Аполлонова, даже разговаривать бы не стал. Сколько тебе? Семнадцать?

– Шестнадцать.

– Твою мать. Проиграем пацанам – позор. Выиграем у пацанов – еще больший позор. Разозлил ты меня, Фомин, сверх меры. По-взрослому все будет. Не будем в поддавки играть. Хоть сто генералов за тебя.

– Только калечить не надо. Лады?

– В хоккей трусы не играют.

– Не пожалейте. У монеты две стороны.

– Мужики, подъехали сюда! – заорал Чернышев на весь стадион.

За ненаших вышли лучшие игроки «Динамо». На воротах Павел Забелин. В защите Борис Бочарников и Олег Толмачев. Тройка нападающих: Всеволод Блинков, Николай Поставнин и Василий Трофимов. Лучшие бомбардиры команды и одни из лучших в стране.

Перед игрой Вовка отвел в сторонку «свою» команду.

– Мужики, вы нас с Вовкой не знаете, и если что пойдет не так, то плюньте на нас и играйте, как привыкли, но сначала просьба. Сделайте пару раз, как я сейчас скажу.

Револьд, отвоевавший все четыре года и заслуживший два ордена и кучу медалей, серьезно посмотрел на Фомина и спросил без улыбки:

– Думаешь с ними потягаться? – Всего-то двадцать четыре года. Разница в восемь лет и целая пропасть размером в Великую войну между ними.

– Если будете делать, как я скажу.

– Говори.

– Заходим в зону и выстраиваем звезду, ты, Сергей, становишься за воротами. Я на правом фланге, Виктор, ты на левом. Защитники почти на средней линии, чуть ближе к воротам, но от линии далеко не отъезжайте. Пас на меня, я вдоль борта отправляю шайбу Сергею, и он из-за ворот на пятачок, куда я уже и подъеду. Второй раз почти так же. Они уже будут меня

опекать, и потому шайбу защитники дают на Виктора. Он снова на защитника. Тот опять ему, только с небольшой задержкой, и Виктор на Сергея, ну, а ты для меня снова из-за ворот на пятачок. – Вовка оглядел внимательно слушавших динамовцев. – Договорились?

– А ворота кто прикрывать будет? – покивал Вася Комаров.

– Там Вовка Третьяков, ну, и конечно, как потеряем шайбу – отходим и навязываем борьбу, пока не отберем. И снова звезда.

– А что?! Мне нравится, – стукнул кулаком Вовку по плечу Револьд, – может сработать.

Свистнул судья, и шайба полетела на лед, Вовка за нее бороться не стал, хотел посмотреть, на что способны динамовцы при вбрасывании. Предсказуемо. Убирать шайбу под себя обратным хватом не умеют. Шайбу просто зачем-то ударили клюшкой, куда бог пошлет. Бог послал Комарову. Тот не задумываясь отправил ее Фомину, ну, в этой ситуации устраивать звезду не имело смысла, Вовка обработал шайбу и хлестким щелчком отправил от средней линии в ворота. Забелин упал на колени. Вовремя среагировал. Шайба на эту уловку не поддалась и спокойно, никого не трогая и в прения не вступая, залетела в девятку правую.

Свистнул судья. Пятнадцать секунд. Чернышев для порядка поорал на Блинкова, выбившего шайбу не туда. Вовка опять поехал на вбрасывание и по дороге шепнул Сергею Соловьеву:

– Выбью точно на тебя. Играем звезду один.

Подъехал, взял клюшку обратным хватом и легко у себя под ногами отправил ее Соловьеву. Тот поехал на свое место. Фомин ринулся на свое. Сергей доехал до ворот, неуклюже немного развернулся и послал шайбу почти на пятачок. Вовке пришлось тяжело. Он еле достал до шайбы, которая почти уехала в усы, и Фомину пришлось продемонстрировать «спин-ораму» или «Вертушку» – очень эффективный, но технически сложный финт, связанный с резким разворотом игрока с шайбой на 360 градусов. На этот раз бросок, но с подъемом шайбы. Правая девятка. 2:0. Сорок пятая секунда матча.

На пятой минуте при счете 4:0 Чернышев остановил игру и подозвал всех к себе. На Фомина не смотрел. Смотрел на своих асов.

– Вы чего творите? Фомин. Идешь на скамейку. Я за тебя выйду на несколько минут. Всё. Продолжили.

Продолжили. Вовка наблюдал, как играющий тренер пытается повторить и его отбор шайбы, и звезду. Ну, ни у кого с первого раза не получается. Дорвались до заветной шайбы бомбардиры и доехали до самых ворот, удар низом и Третьяков отправляет шайбу Соловьеву. Тот мчит за ворота. Подача на пятак, но Чернышев поднять шайбу не смог, и Забелин бросается на нее.

Вбрасывание у ворот, и тренер легко обратным хватом забирает. Пытается после передачи от Соловьева щелкнуть, но получается бабочка медленная, и голкипер, спокойно сбив ее на лед, накрывает.

Настырный. С четвертого раза получается, и довольный Аркадий Иванович едет на скамейку запасных.

– Давай, Артист, продемонстрируй еще чего, – теперь не улыба, а улыбка на лице.

Соперники устали. Они не привыкли к такой игре. Все настолько быстро происходит, что ничего не успеваешь. Потому носятся и все больше и больше устают. В один из моментов при счете 7:1 кто-то из защитников опять послал бабочку, выбивая шайбу от своих ворот. Тупо уже на отбой играли, Вовка рукой сбил ее на землю и закатил буквально в домик опешившему вратарю.

– Всё! Закончили. Фомин, сюда давай. Третьяков тоже. Завтра в восемь быть на тренировке. Играете в основе против «Крылышек». Вопросы есть?

Вопросы были. Фомин хотел рассказать о смене пятерок. Потом передумал. Сейчас они тут разбор полетов будут устраивать. Орать, материть, курить. Потом пробовать и снова орать.

Нельзя все яйца в одну корзину, на сегодня довольно прогрессорства. Тут переборщишь и только загубишь дело, будут считать непререкаемым авторитетом, гением и сами отучатся думать. А нужно с точностью до наоборот. Научить думать, а не лупить по шайбе.

– Аркадий Иванович, а амуниция? – уже вымывшись в теплой воде, значит, есть (тогда какого черта заливают холодной?), обратился Вовка к Чернышеву.

– Помню я, что генерал сказал. Давай тащите ко мне в кабинет. Я так понимаю, что ведь не шутил Аполлонов, у вас и правда государственный секрет, видел, как от тебя защитники отскакивали. Завтра к восьми приходите. Народу я скажу, чтобы к девяти подтягивались. Нужно поговорить серьезно. За форму отвечаю.

– Мокрая...

– В кабинете сам вечером на стулья развешу. Давайте, ребята, устраивайтесь. Да, Фомин, ты за языком следи. Это ведь милицееское общежитие. Не сболтни там какой политический анекдот. Там вам не тут. – Ни хрена себе! Вот у кого Черномырдин поговорку свою лучшую спер.

Доехали на метро до площади Революции и спросили дорогу. Про школу народ насупливался, а когда монастырь упомянули, сразу прояснялся.

– Иоанно-Предтеченский монастырь, так вам, ребята, так-то и так-то.

– Спасибо, бабуля.

– Да какая я вам бабуля, я коммунистка с дореволюционным стажем.

– Спасибо, товарищ коммунистка.

– То-то же. Да, вы там живете, что ли?

– Да, вот поселили сегодня, – Вовка умилялся старушке. Таких больше не делают.

– Миронычу привет.

– Мироныч это кто?

– Комендант. Тимофей Миронович. Вместе воевали.

– Воевали?

– Ох ты, невежливый ты, сынок, женщине о возрасте нельзя напоминать. Я профессор медицины, всю войну на передовой, полевыми госпиталями руководила, потом поездом санитарным. А Тимофей Миронович у нас политруком был в полку. Граната в окоп залетела, он ее выбросить хотел и выбросил почти, только она ему на прощанье руку оторвала. Зато всех нас с девчонками спас.

– А вас как звать? – Вовка по-другому себе хирургов в полевых госпиталях представлял, да и особистов тоже.

– Александра Ивановна. Привет передавайте.

Распрощались. Пошли указанной дорогой. И наткнулись на коммерческий магазин. Ну, мяса брать не стали. А вот две булки хлеба, белого и черного, печенье, пачку чаю и примус с чайником купили. Триста рублей с хвостиком. Вовремя насильник появился.

Глава пятая

*Без расчёту, без лишнего риска,
Предвкушая судьбу ее вдовью,
Полюбил я швею-мотористку
Замечательной зрелой любовью.*

*Я дарил ей цветы и ириски,
Песни пел, изрекал изречения,
И в объятьях швеи-мотористки
Издавал небольшое свечение.*

Владимир Саран

Вечер прошел в хлопотах. Получили у коменданта Тимофея Мироновича матрасы с подушками ватными, одеяла серые солдатские, при этом в разных кладовках, хоть обе были полупустые. Вовка, понятно, полез выяснять причину.

– Так моль и клопы.

– Клопы? – Блин, мама, роди меня обратно. Вовка тяжело вздохнул.

– Ты мадонну из себя не строй, – нахмурился бывший политрук. – Что, клопов не видел? Только у нас нет почти. Матрасы с подушками прожариваем. Одеяла тоже, только потом одеяла дустом пересыпаем. И храним отдельно. Моли развелось. Второй год борюсь.

– Тимофей Миронович, мы вашу однополчанку сейчас видели – Александру Ивановну. Профессора. Она вам привет передавала, – влез Третьяков не вовремя. Туз ведь замечательный в рукаве, чтобы задобрить сердитого коменданта.

А, нет. Оказалось, как раз вовремя.

– Александру? Блин горелый, давно не видел. Зайти надо. Обязательно. Вот завтра и соберусь. Она мне ведь жизнь спасла.

– А она говорит, что вы ей и медсестрам. Геройский поступок совершили. – Молодец Третьяков.

– Ну, сначала я им, потом они мне. Кровью истекал в окопе под обстрелом. Так она мне операцию на дне окопа сделала. Лохмотья, что от руки остались, отрезала и зашила. А девчонки санитарки над нами плащ-палатку держали. Обстрел ведь. Земля летит, да и осколки. Немец из пулемета лупит. Одну пигалицу тогда тоже ранило, так другая на ее место встала. Ну, я не видел, без сознания был, Александра потом рассказала. – Глаза коменданта заблестели, он отвернулся и левой рукой пошаркал по лицу.

– А вы в каком звании были, Тимофей Миронович? – продолжил расспросы Третьяков.

– В звании? – вернулся из воспоминаний комендант. – Старший батальонный комиссар. Подполковник, если по шпалам считать. Если б руки не лишился, то к концу войны и до генерала бы дослужился. Дивизионным комиссаром бы стал. Тьфу. В конце сорок второго ведь отменили комиссаров. Упразднили. Политруками стали. У нас заместителем начальника политуправления Северо-Кавказского фронта был бригадный комиссар Леонид Брежнев. Слышали. Сейчас Днепрогэс восстанавливает. Статью в «Правде» недавно видел. За успехи в возрождении металлургического завода «Запорожсталь» и восстановлении Днепрогэса Брежнев награжден орденом Ленина. А я так вот с конца сорок второго и мыкаюсь, куда приткнут. Спасибо генералу Аполлонову, сюда вот пристроил. Хороший человек, – опять рукавом утерся.

– Да, Аркадий Николаевич и нам вот помогает, – ввернул Фомин.

– Так, парни, а бросьте-ка вы одеяла эти на место. Тут вчера новые привезли. Потолще этих будут и нафталином еще не пропахли. Выдам вам. Пошли, они у меня пока в комнате. Еще не оприходовал. Простыл. Только вчера на ноги встал. Испанка, будь она неладна.

В комнате, которая являлась и жильем комиссара, и кладовкой одновременно, Тимофей Миронович выдал им новые одеяла, и точно гораздо толще первых, и простыни две с наволочками, полотенца. Потом посмотрел на пацанов желторотых, но снизу вверх, покивал своим мыслям головой и выдал ведро новое и небольшую кастрюльку.

– Или есть у вас? – держа дефицит в руке.

– Откуда. Спасибо вам, Тимофей Миронович. – Вовка тоже взялся за кастрюльку.

– Все просто Мироныч зовут. Привык, – комендант отпустил ценный предмет утвари домашней.

– Спасибо. Запомним.

– Ладно, парни, вот тут распишитесь и свободны. Стул я вам починил уже. Два было сло-
манных. Один собрал. Знали бы вы, как хорошо жить с двумя руками. Намучился. Берегите!
И стул, и руки, – опять рукавом глаза вытер.

Вовка себе верхние нары выбрал, но пришлось перебираться вниз. Двухметровый Третьяков внизу не помещался, он и вверху не помещался, но сходили, попросили у Мироныча пару досечек и прибили. Удлинили. Комендант стоял, хмыкал. Потом выдал:

– Хохму про длинных, ха, высоких, знаете?

– Нет, – хором. Оба не карлики.

– «Ешь кашу, вырастешь большим и сильным», – говорила мне мама. Я маму слушал, теперь у меня два метра роста и я грузчик, – захекал. Не до конца еще выздоровел.

– У меня отец был тоже высоким, – стукнул себе по пальцу молотком Третьяков. – На войне погиб.

– Н-да. Всё, парни, некогда мне, нужно стенгазету выпускать. – И ушел.

Поели хлеба с печеньками. По булке смячили. Чай на новом примусе сварганили и спать улеглись. Так до утра и проспали. Двенадцать часов.

В этот раз в метро в самый пик встряли. Ужас. Фомин, уже привыкший к переполненным автобусам от их поселка до Куйбышева, теперь в полной мере оценил, что такое на самом деле забитый под завязку транспорт.

Команды не было на стадионе. Тренер пил чай, осмотрел Вовок и, подавив жабу тяжким вздохом, спросил:

– Чай будете? Жена, вон, расстегаи спроворила. Или завтракали?

– Нет, – как всегда выскочил со своей непосредственностью вперед Третьяков.

– Ну, садитесь.

«Сколько может получать тренер динамовской команды? Рублей... Хотя ведь майор. За тысячу? Плюс талоны на питание, пайковые, премии, наверное, все же прошлогодние чемпионы СССР и в этом году в призерах и без Вовок будут. Не объединим», – решил Фомин и тоже потянулся к пирогу.

– Фомин, мы вчера немного твою звезду поотрабатывали. Не выходит ведь ничего. Ты сам-то каждый раз шайбу в девятку занносишь. Приподнимаешь. Секрет какой есть? – Чернышев забрал со стола тарелку с пирогами, видя, с какой скоростью ее содержимое развоплощается.

– Конечно, Аркадий Иванович. Покажу. Только нужно чуть клюшки переделать. Крюк малость изогнуть, вот как у меня, – он кивнул на стоящую в углу кабинета тренера клюшку. Не спутать. Изолентой вся перетянута, чтобы в крагах не скользила и не ломалась. Особенно тщательно, с помощью сначала казеинового клея и бинта, обработан крюк, который потом тоже обмотан тонким слоем черной изоленты. Все равно сломается, но попозже. Страшный дефицит. Пойди достань!

– Посмотрели. Завхоз говорит, что из Чехословакии должны два десятка клюшек привезти. Когда только?! Придут к концу сезона. Изоленту заказал. Пойдемте на поле, ну да, на площадку, все не привыкну. Покажешь, как шайбу поднимать, чтобы не кувыркалась.

Команда подтянулась, когда Чернышев почти освоил шелчок. Игроки «Динамо» сгруппировались у борта, наблюдая, как пацан учит чемпиона страны и заслуженного мастера спорта бить по шайбе. Концерт целый устроил. Артист. Понятно.

– Шайба должна быть на комфортном для вас расстоянии, чтобы плечи ни в коем разе не уходили вперед. Примерно в полуметре. Ноги должны быть чуть согнуты. Ключку так высоко задирать не надо. Примерно на уровне плеч. Ваша ошибка, что вы хотите ударить по шайбе. Нужно, чтобы какое-то время крюк до соприкосновения с шайбой шел по льду. Плечевой пояс при этом должен быть расслаблен, и напрягаться нужно только в момент соприкосновения крюка с шайбой. После соприкосновения нужно еще повернуть бросок плечами, и крюк должен получиться в оконцовке параллельно льду.

Щелк. Бряк. Кряк.

– Ссссука. Кхм.

– Аркадий Иванович. Главная ваша ошибка теперь, что шайба далеко от вас. Вы к ней тянетесь плечами, и понятно, что из такого положения щелчок не получится. Еще рука должна быть верхняя прямая, а вы локоть прижимаете к себе.

Щелк. Бряк. Кряк.

– Стоп, Аркадий Иванович. Вот вы чуть отпустите шайбу, так, теперь догоняйте и одновременно разворачивайтесь, чтобы вы к направлению броска были под девяносто градусов. Стоп. Это не девяносто. Шутку знаете: «Это вода кипит при ста, а прямой угол девяносто градусов». Так у вас все сто двадцать. Резче разворачивайтесь. Мля, не отпускайте шайбу так далеко. Дайте покажу. Вот, просто ведь все... Стоять. Опять клюшка выше головы... Стоять. Теперь слишком рано клюшку об лед трахнули. Ну, показывал же. Десять сантиметров. И провозжаем до конца плечами.

Михаил Якушин, игравший в прошлом году за «Динамо» в хоккей и ставший чемпионом страны, а вообще – главный тренер футбольного клуба «Динамо» и по совместительству тренер команды «Динамо» по русскому хоккею, стоял у поваленных скамеек вместе с возвышающимся над ним на целую голову Виктором Дубининым – вторым тренером и качал головой. Завтра на большом стадионе должна состояться очередная игра по русскому хоккею, и команда пришла на тренировку. Вон уже выкатилась на лед. А тут такой аттракцион.

– Иваныч? Это что за кадр с тобой? – Якушин выкатился на лед.

«Хитрым Михеем» еще не прозвали, но Вовка его узнал. Вот к кому ему нужно попасть после окончания сезона в канадском хоккее. Он все же футболист. И с хоккеем в СССР и так все будет отлично, а вот с футболом будет по-разному. Всегда будут в одном шаге от громкого успеха. Ну, разве золото Олимпиады в Мельбурне. Но тогда будет тренером Гавриил Качалин. Да и там все настолько на тоненького пролезло, что не иначе какой-то бог футбольный подыгрывал.

– Учителей Аполлонов прислал, – огрызнулся Чернышев и поманил Вовку. – Довольно, ребята. На этом стадионе сейчас тренировка будет. На нашем нельзя, лед угробим, сейчас побегаем немного, на турниках повисим и обедать поедем. Автобус, наконец, отремонтировали.

Побегали вокруг стадиона, повисели на турниках. Вовка продемонстрировал и выход силой, и подъем переворотом, и даже недавно освоенную склепку. Оказался не единственным. Кроме склепки почти все повторили. Параллельно бегали юноши «Динамо». Далековато было, но один из пацанов был на голову выше остальных.

«Неужели Яшин. У него, кажется, 193 сантиметра. Познакомиться надо», – решил Фомин, но тут Чернышев глянул на часы и прокричал: – Всё, мужики, давайте мыться и строиться, через полчаса автобус придет, повезут на фабрику-кухню завода «Динамо» обедать.

Вовка вышел на улицу одним из последних. Рожков в душе три всего, а народу тринадцать человек. Тереться голой задницей среди намыленных мужиков, как делали некоторые, не хотелось от слова совсем. Не то воспитание. Не коммунист. Сегодня дорожную телогрейку, в которой приехал в Москву, Вовка сменил на новое черное пальто. Почти новое, пару недель походил. В магазине такого не найти, да и где такие деньжищи взять. Пальто досталось по случаю.

Ну, это целая история.

У Павла Александровича – Вовкиного отца – был день рождения. Особо звать в гости некого было. Пришел дядя Петя (тот, что возил их на дрезине к деду на рыбалку железнодорожник) с женой тетей Фросей и их дочка восемнадцати лет – Ольга. Старший сын у Петра Александровича на войне погиб, а средний сейчас в армии на границе с Китаем служит. Война там, в Китае, гражданская. Коммунисты воюют с бывшими коммунистами. Вовка точно знал, что вскоре Мао Цзэдун победит, а Чан Кайши сбежит на Тайвань, но делиться этой информацией ни с кем не собирался. Да никто и не спрашивал.

Уже выпили по паре рюмок, в смысле взрослые, и тут Мишка, черт бы его подрал, как-то дернулся за столом неудачно и опрокинул на пол бутылку с самогонкой. Бросились поднимать и вдобавок и бутылку с водкой уронили. Еще полгода назад Павел Александрович выпорол бы пацана, и Вовке бы досталось за компанию, но тут мать с Вовкой у него на руках повисли и назад на лавку усадили.

– Не специально же. Хотел тете Фросе хлеб передать, она потянулась, – вступился за брата Вовка.

– Пух-пух, – попыхтел чемпион города по борьбе. – А что теперь за праздник без спиртного?

– Вова, сынок, ты сходи к тетке Матрене, возьми у нее литр самогонки, – сунула деньги и банку мать Вовке.

Вовка быстро встал и начал одеваться, и тут в коридор все высыпали и стали советы давать, как узнать хороший самогон или плохой. Вовка натянул ватник старенький, а дядя Петя и говорит:

– Здоровый парень вымахал. Жених уже, правда, Оля? – Дочь кивнула и засмеялась своим низким грудным голосом. Тоже выпила немного. А дядя Петя продолжил: – И не идет тебе эта обдергайка. Слушай, племяш, нам тут новые шинели выдали, а старая у меня еще вполне. Ты забеги завтра, я ее тебе и отдам. Швею найдете, перелицуете и пальтишко себе спроворишь. Будет у тебя красивое черное пальто.

Так и сделали. Сходил вечером Фомин к дяде Пете и получил шинель со споротыми пуговицами и в нагрузку еще и шапку цигейковую, почти новую. Дома отдал матери. Та подергала, проверяя, не сгнила ли ткань, вывернула и посмотрела внутреннюю сторону.

– Вполне целая, чуть выгорела с лицевой стороны, но внутренняя сторона нормальная – черная. Хорошая вещь. Замечательное пальто будет. Собирайся, Вовка, пойдем к Светке. То есть к тете Свете. Она по-божески возьмет. Я ей кое-чем помогла летом по работе. Должна добро помнить.

Стемнело уже. Часов семь вечера. Оказалось недалеко. Фомин эту женщину видел один раз, седьмого ноября на демонстрации, она шла вместе с Фомиными, пела под гармонь частушки задорно, не отказывалась от рюмочки, что из-под полы наливал Павел Александрович. Вообще, веселая женщина.

Постучали, там что-то прокричали за дверью, и через минуту примерно появилась эта самая Светка. В халатике и без шапки, оказалось, что и не тетка совсем. Нет, не дядька, но для семидесяти лет Федора Членкова так просто девочка. Лет двадцать пять.

– Ой, да вы с женихом. Здрасьте, меня Света зовут. – Протянула, улыбаясь, руку Вовке. – Свататься пришел?

– Прекрати, Светка. – Мать даже пальцем ей погрозила. – Вот, пришли, как договаривались, мерку снять и шинельку принесли.

– Здоровый какой, весь в Павла Александровича. И глаза его, и волосы вон блондинистые, а уж рост-то и подавно. Тоже богатырем будет. Шинелька-то не мала? – женщина схватила Вовку за руки, вывела в комнату на свет и покрутила туда-сюда.

– Это дядьки его. Там лишка еще останется. Он не сильно меньше Паши.

– Хорошо. Так, жених, раздевайся. Портки можешь оставить, если хочешь, – и залилась колокольчиками.

– Светка! – сморщилась мать.

– Все, все. Вовка, скидывай ватник, валенки и шапку на вешалку, и я сейчас тебя мерить буду.

Измерила всего. При этом Вовке показалось, что когда швея его сзади измеряла, то умышленно своей полной «троечкой» навалилась.

– Все, дорогие товарищи, можете быть свободны. Послезавтра приходите на примерку так же часов в семь вечера. Нужно будет фасон обговорить и предварительно померить.

Послезавтра было четвергом и мать пришла поздно с работы, конец месяца, чего-там не ладилось у них.

– Вов, ты сходи один на примерку, не заблудишься. А то мне еще суп варить и картошку жарить. Только сильно не задерживайся. Не знаю, как получится. И не слушай ее. Вечно шутит. Зато мастерица знатная.

Фомин устал на тренировке и идти не хотел, ноги гудели, но вылезти из коротковатого ватника и занять настоящее пальто хотелось. Оделся и вышел в метель. Второй день мело. Пришел весь, как снеговик, и долго отряхивался в подъезде. Нет, подъездом это назвать нельзя. Дом такой же, как у них – четырехквартирный, и маленькие сени или тамбур. Открылась дверь и из полутьмы прихожей раздался веселый голос портнихи:

– О, Вова, ты чего не стучишь, не заходишь. Боишься меня?

– А должен? – решил подыграть Вовка.

– Не съем. Заходи, раздевайся.

Фомин разделся и зашел в комнату. Там по всем стульям и спинкам кровати были развешаны уже распоротые, выстиранные и отглаженные куски черной драповой материи. Понятно, шинель бывшая.

– Так, модник, скажи, а какое тебе пальто нужно? Вон журнал видишь, посмотри, какое нравится.

Убожество. Мешки. Ни вкуса, ни фантазии. Да лучше в ватнике ходить!

– Тетя Света, а можно мне карандаш и листок бумаги?

– Какая я тебе тетя. Просто Света. – Встала, уперев руки в хорошие такие бедра тетя. При этом верх халатика, надетого, видимо, без лифчика, разошелся, и «троечка» себя проявила.

– Хорошо, просто Света. Есть карандаш?

– Держи, – и она протянула Фомину ученическую тетрадку и химический карандаш.

Вовка его мусолить не стал, он положил перед собой журнал, как образец, срисовал пальто из него, а потом стал карандашом, уже наслонявленным, добавлять и урезать. Получилось вполне модное пальто из следующего века. Такое, какое как-то в Англии Челенков себе купил. Просто Света сначала молча стояла у него за спиной, а потом придвинулась и, нависнув над сидящим Вовкой и пристроив груди ему на плечо, стала спрашивать пояснения.

– Кхм, Просто Света...

И тут она укусила его за ухо. Не сильно и не больно. Прикусила, играя, и погладила по голове. Одной рукой. Вторая в это время пошла от груди на живот и уперлась в резко обозначившийся бугорок.

– Готов! – и она, развернув Вовку на табуретке, впилась в него губами.

Страсть есть. Умения нет. Пришлось продемонстрировать. Поделиться опытом.

Добрались до кровати, и там оказалось, что страсть лучше опыта. Нафиг та Камасутра со всякими «фейерверками», «наездницами» и «блестящими треугольниками». Пришлось подушкой голову закрывать Просто Света выгибалась, кричала, рычала и, наверное, хотела поделиться ощущениями со всем их поселком. Ни с чем подобным Челенков в прошлой жизни не сталкивался.

Н-да. Закончилось только все довольно быстро. Так показалось, а когда на будильник, упавший от их разгула, глянул Вовка, то поморщился. Час почти. Задаст ему мать и всю душу вытрясет. Опоздал к ужину.

– Ты, Вовочка, умойся, сходи на кухню, проветришь как следует, а то мать учует запах духов. Приходи завтра, подкладку примерим. Стой. Вот синяя саржа есть и черная. Какую хочешь? – Просто Света запахивала халатик. Под ним, как оказалось, вообще ничего не было. Словно знала, что матери с Вовкой не будет. Будущее предвидит. «Хогвартс» заканчивала. Ведьма.

– Синий. И если есть пуговицы темно-синие.

– Да я для тебя, Вовочка, из-под земли достану.

Бежать надо. А то опять набросится. Дома хватятся. Искать сюда придут.

Глава шестая

*В небе – злая грозовая панорама,
Мяч плывет у ворот по воде.
Но упрямо едет прямо на «Динамо»
Вся Москва, позабыв о дожде!
Удар – короткий, и мяч в воротах!
Кричат болельщики, свисток дает судья.
Вперед, друзья!*

Анатолий Новиков, Лев Ошанин

В тридцатые годы, до войны, умным людям пришла в голову «умная мысль» – массовое потребление пищи должно отвратить население от мещанской старорежимной традиции «домашних обедов» и сгладить неудобства, связанные со столпотворениями на коммунальных кухнях. Даже дома начали проектировать без кухонь. Есть, мать его, столовая в здании, вот, мил человек, и прогуляйся с семьей, и откушай, что и все граждане великой страны. Еще и денег сэкономишь, ведь когда готовят блюда сразу на пятнадцать тысяч человек, то хоть как, а выйдет дешевле, чем ты у себя на кухне. При этом почти правы умные люди. Ведь газа и электрических плиток нет. Либо дровяная печь, либо примус, да и то с примусами не все просто. Керосин огнеопасен и вонюч. Тут все должны представить, сколько дров нужно в городе с населением в несколько миллионов. И заодно вспомнить про уголь, которым до появления газа топили в основном котельные во всех городах Европы. Вот вам и смог. Никаких машин не надо.

Фабрика-кухня завода «Динамо», который вообще не имел ничего общего с командой «Динамо» (Москва) и со всем чекистским обществом «Динамо», находилась на улице Ленинская Слобода и представляла собой изыск архитектуры тридцатых годов, когда всякие пилястры и прочие украшения признали буржуазными и даже отковыряли кое-где от стен. Вместо барельефов с горгульями теперь ломаные формы и большие окна. И конечно, функциональность. Так, крышу здания сделали плоской, и летом в жару можно было принять кушанье в себя на крыше, запивая пивком, которое свободно продавалось и в общем зале, и в буфете, и алкоголем вообще не считалось. Еще архитекторы разделили потоки голодных с сытыми (условно), были спроектированы параллельные лестницы и отдельные вход и выход. Конвейер по приему пищи. Люди подходили к витринам, хватали две тарелки, совали компот под мышку и хлеб в зубы, расплачивались и уходили работу работать. На девяносто процентов обедали в этом храме пищеварения работники электромеханического завода «Динамо». Это было крупнейшее предприятие, где создавали генераторы, электродвигатели для поездов, трамваев, троллейбусов и другое электрооборудование. Динамо, в общем.

Команду довез до фабрики-кухни мастодонт, похожий на автобус Глеба Жеглова. Ехал он целый час, так как стадион был на севере столицы, а завод с одноименным названием на юге. Почти в противоположных концах города. В автобусике, кашляющем, всего шесть двойных скамеек, и Вовкам пришлось сначала стоять, на них не рассчитано. Молодые динамовцы, самые субтильные, потом все же сдвинулись на своих скамеечках, и вторую половину пути проехали пацаны сидя.

Кормили команду в отдельном зале, когда приехали, уже накрыли на них, и грузный мужчина на Чернышева начал шипеть, что опоздали, скоро приедет на обед ЦДКА. Вовка напрягся. Сейчас ведь живьем увидит легенду – Боброва. Вот те молодые парни, что тряслись с ним в автобусе, тоже почти поголовно легенды, ан нет, пиетета не вызывают. Не тот уровень? Хотя

ведь Чернышев ничем не уступает по известности и той роли, что сыграл в развитии хоккея с шайбой в стране, но нет. Имя! Сейчас будем посмотреть.

Суп грибной с парой маленьких, не резаных картох и куском какого-то сельдерея или пастернака, перловка, чуть переваренная, и небольшая котлетка, сверху компот из калины и два куса хлеба. В этом всем калорий меньше, чем организм истратил за часовую поездку в автобусе, мастодонте трофейном. Ложки мелькали у народа со скоростью крылатых ракет. Меньше пяти минут и алес, все усиленное питание закончилось. Сытости не вызвав. Тренер прошел по столам и раздал талоны.

– Куда это? – вылез Третьяков.

– В буфете шоколад возьмете.

– Здорово. Нам в Куйбышеве тоже давали.

– Все, парни, выходим, вон армейцы идут, – подогнал своих Чернышев.

И точно, в зале со стороны входа начали появляться чужие. В таких же спортивных штанах и шапочках. Вон и Бобров, на голову возвышающийся над остальными. Прошел мимо Вовки, когда тот стоял в углу. Одного роста. Шея потолще и в плечах пошире будет. Так Вовке еще расти, да и шею с дельтами накачает. Рязанская физиономия с довольно длинными, зачесанными назад волосами, как раз шапочку снял и пятерней поправил, нос большой. Для этого времени настоящий богатырь. Поздоровался с динамовцами Сева за руку, о чем-то спросил Чернышева, гыгыкнул и продолжил здороваться, дошел до Вовок. Снизу вверх оценивающе глянул на Третьякова и остановил взгляд на Фомине.

– Молодежь? Сева, – протянул габлю. И что теперь, неделю руку не мыть?

Зрителей было много. Как-то читал в далеком будущем Челенков, что и по двадцать тысяч приходило. Ну, только не на этом, как бы назвать-то – стадиончике. Люди заняли настоящую трибуну, при минус пятнадцати садиться никто и не думал. Стояли, согреваясь водочкой и портвешком, никто глинтвейн в термосах не разносил. Противоположная народная трибуна из снега была еще плотнее заполнена, в такой тесноте, да не в обиде, и теплей. Борта же площадки, где располагались скамейки запасных и тюрьма, обрешеченная для штрафников, были сугробами отгорожены от болельщиков, и они теснились чуть поодаль, но возвышение было невысоким, и смотреть игру с него было неудобно, все равно по паре тысяч с каждой стороны кучковалось. Ребята в основном. Подпрыгивали, надеясь увидеть кумиров, облепили несколько стоящих с обломанными предыдущими болельщиками берез. Синявский в своем скворечнике уже вещал, и хриплый узнаваемый голос, усиленный десятком рупоров, разносился далеко по окрестностям.

Поле было искусственно освещено. По бокам площадки к бортам было прибито несколько жердей и поперек поля натянуто десять гирлянд с лампочками. Треть не горела. Полумраком не назовешь, но и нормальным это освещение можно признать для какой дворовой площадки, а не для главной хоккейной арены страны. Смотрел ведь Федор киноэпопею «Освобождение», где показывали танковую атаку с использованием прожекторов. Выходит, они есть и это не дефицит, раз на сотни танков поставили. Тогда почему нельзя построить пусть деревянные вышки по углам площадки и осветить тут все по-человечески?

Спросил Вовка об этом Чернышева.

Аркадий Иванович полапал себя за нос:

– Я разговаривал с директором нашим. Он сказал, что осенью 1933 года несколько матчей на главной арене прошли при свете подвесных электрических ламп, но уровень освещения оказался недостаточным. Потому сняли. В 1940 году по углам стадиона были установлены высокие вышки с прожекторами, при свете которых московское «Динамо» приняло динамовцев из Риги. Наши тогда выиграли (4:2), но тогда электроосвещение было сочтено экономически нецелесообразным. А сейчас? Не знаю. Нет, не пойдут на это. Ладно. Поговорю завтра.

Ты ведь в курсе, что все ответные матчи второго круга будут проводиться здесь на малом стадионе. Чем черт не шутит, вдруг расщедрятся. Синявского возьму в соратники. Стой. Может, тебя Аполлонов послушает? Поговоришь?

– Конечно, поговорю, Аркадий Иванович.

– Все, беги, переодевайся. Тебя и Вовку твоего выпустим во втором периоде. Как раз «Крылышки» подустанут. А ты пока посмотри свежим глазом на их и наши ошибки. Блин, кто бы еще вчера сказал, что у детей совета буду спрашивать. Убиться легче! Сгинь с глаз моих!

Матч начался для динамовцев ушатом холодной воды. Перед матчем в раздевалке стояло шапкозакидательское настроение. «Крылья Советов» – команда как раз того самого завода «Динамо», в столовой которого они обедали, в прошлом году отказалась участвовать в первенстве СССР по канадскому хоккею, и опыта у игроков было с гульки... клюв. Не самое последнее место занимала команда из десяти участников, но и не лидер точно. Только вернулись из Ленинграда, проиграв местному «Динамо» 5:1. А ленинградцы совсем в хвосте пусть и не обретались, но тоже на днях проиграли явному аутсайдеру рижскому «Динамо». Как-то хитро в головах экстраполировав эти два матча, все игроки «Динамо», и тренер тоже, решили, что порвут «Крылышек» они сегодня, как Тузик грелку.

Бам. И на второй минуте Паша Забелин вынимает шайбу из ворот.

«Гол в ворота „Динамо“ забил Алексей Гурышев», – прозвучал, как показалось Вовке, радостный голос Синявского.

Так и было. Этот здоровяк стоял перед пятачком и ждал шайбы, а когда получил, то практически впихнул ее в ворота динамовцев. Он Забелина тяжелее в два раза и на целую голову выше. Машина. Ничуть не меньше Боброва. У динамовцев и нет в команде таких. Даже защитники, что должны быть высокими и здоровенными, просто коротышки рядом с этим Гурышевым.

Федор Челенков его помнил. Из той жизни. Бобров скоро сдуется, и ему на смену придет именно Гурышев, и с ним «Крылья» даже чемпионом станут. Лет через шесть. Но тех времен Федор не застал, ясно дело. Он другого Гурышева помнит. Закончив карьеру хоккеиста, Алексей станет ведущим хоккейным арбитром СССР. И еще ведь двумя вещами знаменит. Во-первых, скоро снимется в фильме, вот название в памяти не удержалось, где будет играть самого себя. Ну, это ладно, фильм не станет культовым, как «Карнавальная ночь». Режиссер не тот. Второй – тоже случай, связанный с кино. Именно Гурышев стал прототипом героя хоккеиста из оscarоносного «Москва слезам не верит». Только там будет Гурин, кажется. Эх, его бы в «Динамо» залучить. Будет неубиваемая команда. Бобров скоро окажется в ВВС у товарища Сталина, и тогда можно с ЦДКА соперничать на равных. Но насколько помнил Челенков, Гурышев и от уговоров ЦДКА отказался, и от посулов Василия Сталина, в отличие от его вчерашнего партнера Револьда Леонова, тот даст себя «Ваське» уговорить и мог погибнуть вместе со всей командой под Свердловском, летя на матч с тем самым челябинским «Дзержинцем», который раскатали три дня назад в Куйбышеве, не без помощи Вовки, местные динамовцы на глазах у Аполлонова.

Получив ушат за шиворот и шайбу в ворота, динамовцы не одумались и вместо командной игры устроили дворовый навал, и, забыв обо всем на свете, стали демонстрировать персональное мастерство, вместо слаженной командной игры. Длилось это долго. Минут пять по чистому времени, а так все пятнадцать. Обе команды стали грубить, один раз даже до драки дошло команда на команду, еле судьи и выскочившие на лед тренеры растащили.

Чего ждать? Вовка хлопнул Чернышева по плечу, тот увлеченно орал на ребят, еще больше усложняя и ухудшая обстановку.

– Аркадий Иванович! Делайте замену, выпускайте меня с Третьяковым и тех ребят, с которыми мы играли! – кричать прямо в ухо пришлось.

– Да иди ты! Без сопливых! – и дальше орать.

Чуда не произошло. За грубость удалил-таки судья защитника динамовцев Бориса Бочарникова, и через полминуты «Крылышки» реализовали большинство. 2:0.

– Арка...

– Вижу. Выходите. Ребята! Замена. – Не сдуся, но поскуучнел играющий тренер.

– Мужики, играем первую звезду.

– Там...

– Мужики. Остановитесь. Выдохните. Не надо подвигов. Просто играем, как на тренировке. – Фомин осмотрел «свою» пятерку. Нет, не остыли, в бой рвутся. Еще раз повторил: – Ну, остыньте. Точно, как на тренировке играем. Сергей Соловьев. Сразу за ворота.

– Понятно.

Ну, раз, два, три. Начали.

Зачем проводится вбрасывание, вышедший оппонентом Вовке Гурышев не знал. Нужно ударить по шайбе. Если попадет к своим, хорошо. Вовка обратным хватом и молодой реакцией легко отобрал шайбу и у себя между ног отправил Револьду. Еле успел доехать, получил пас. Не обрабатывая, добавил и вдоль борта отправил Соловьеву. И вперед, пока защитники смешались в кучу. Бросок. Что и требовалось доказать. Шайбу тоже от волнения чуть высокомерно поднял, ударила в крестовину, но под нужным углом. Бамс, и за спиной воротчика. 1:2.

Точно под копирку еще раз. 2:2.

«Крылья» поменяли вратаря. Неожиданно. Стоп. Там ведь на трибуне генерал Аполлонов. Нужно тоже выдохнуть. Вовка даже не потянулся к шайбе на вбрасывании. Играющий без замены весь период Гурышев попал, куда надо, и понесся вперед в надежде на шайбу, Револьд только успел уйти с дороги этого бульдозера. Гут. Защитник точно отправляет шайбу вставшему перед воротами «крылышнику», и тот с чудовищного замаха бьет по воротам. Стадион взрывается криком, но вскоре умолкает. Никто не видел, куда делась шайба. В воротах, понятно. Где еще?

Третьяков спокойно вытряхнул ее из ловушки подъехавшему судье. Теперь взрывается другая половина болельщиков. Такого тут еще не видели. Болельщики «Крыльев Советов» кричат и свистят, не по правилам, мол. Низзя так! Только вот от них ничего не зависит. Чернышев все это согласовал с судейской бригадой под одобрительное молчание присутствующего при разговоре генерал-полковника МВД Аполлонова Аркадия Николаевича. Эмиль Фрэнсис изобретет свою через два года. Точнее, уже изобрел, но еще не встретился с главой НХЛ Кларенсом Кэмпбеллом, который после личного разговора разрешит пользоваться ею новатору. Над «изобретателем» Фрэнсисом долго будут смеяться в НХЛ. И только в конце двадцатого века это изобретение станет применяться массово. Только ведь нигде в правилах канадского хоккея нет ни одной строчки, ее запрещающих. По крайней мере, под грозными очами генерала судьи в правилах ничего не нашли.

Вовка дал сопернику бросить еще раз, будучи уверенным в тезде на сто процентов. На этот раз Третьяков отбил шайбу блином под ноги своему защитнику, тот рванул к воротам «крылышек» и только пересек линию, отдал шайбу спокойно стоявшему на своем месте в звезде Фомину. Не стал Вовка мудрить. Удачно, никто не мешает, щелкнул. 3:2.

И игра у соперника посыпалась, за несколько секунд до конца первого периода счет стал 4:2.

Вовка ехал к скамейке своей команды, и тут ему в голову пришла интересная мысль. Как-то читал сетования этого самого изобретателя из Чикаго – Эмиля Фрэнсиса, что он не додумался запатентовать оба своих изобретения. Просто хотел улучшить игру, а мог бы стать миллионером. А кто мешает это сделать Вовке? Нужно будет поговорить после игры с Аполлоновым. Пока его ништяки не ушли в народ. Он с этого ничего не получит. А вот СССР... Ну, хотя ведь какую-то премию и изобретатель получает. Поговорить все равно нужно. А то

получится так, что кто-то из чехов, что приедут через месяц, запатентует, и СССР придется платить деньги за свое же изобретение.

Велосипед вон с парашютом не запатентовали. Лампочку. Сколько это могло денег стране и изобретателям принести? Незнание законов не освобождает от ответственности. А знание?

Во втором периоде Фомина на лед не пустили. Чернышев вышел сам и насколько раз попробовал щелкнуть с дальней дистанции. И ведь пару раз получилось. Деморализованные игроки «Крылышек» совсем на отбой играть стали. В результате за второй период счет стал 7:2. А в третьем пятерка Фомина, вышедшая с самого начала, довершила «избиение младенцев». 10:2.

Генерал-полковник МВД Аполлонов после матча лично пожаловал в раздевалку, помянул к себе Фомина и Чернышева и спросил тренера:

– Как пополнение, Аркадий?

– Золотые ребята! Где вы их только взяли? – радостный, дерби удалось.

– Где взял, больше нету. Всё, Аркадий, иди мне нужно с молодым дарованием пошептаться.

Тренер почти по-военному развернулся и пошел переодеваться.

– Так, Володя. Не нужны тебе и Третьякову испытательные сроки. Сам все видел. Молоток. Значит, мы вот как поступим. Завтра в половине седьмого за тобой мой шофер заедет и тебя ко мне на квартиру отвезет. С собой возьми аттестаты, свидетельства о рождении и паспорта. Свидательства и паспорта новые выдадим. Будет вам по восемнадцать лет. Дам тебе образец заявления. Напишете в общежитии с Третьяковым. Считайте с завтрашнего дня уже себя милиционерами. Стой. Ты ведь преступника обезвредил, и сегодня игру важную спас. Считай подарком. Присвою тебе через недельку звание ефрейтора, на несколько рубликов больше будешь получать. Всё, не благодари, заслужил.

Глава седьмая

*Всех вас вместе соберу,
Если на чужбине
Я случайно не помру
От своей латыни.
Если не сведут с ума римляне и греки,
Сочинившие тома для библиотеки.
Если те профессора, что студентов учат,
Горемыку-школяра насмерть не замучат.*

«Из вагантов» (перевод Л. Гинзбурга, муз. Д. Тухманова)

Девочка была зачетной. Просто на пять с тремя плюсами. Штучный товар. Таких делают одну на миллион. Ну, как Наталью Варлей или Веру Брежневу. Эта была не похожа ни на ту, ни на другую. Может, чуть на Брежневу. Когда она с гривой растрепанных искусным визажистом пшеничных длинных волос, чуть закрученных. Даже родинка присутствовала, но не под нижней губой, а над верхней. Чуть заметная, как у Наталии Орейро. Вот на нее немного похожа, такой же правильный овал лица, зеленые глаза и запоминающаяся улыбка с сильно приподнятыми уголками рта. Только высокая блондинка.

В школьной форме с белым передником словно сошла с экрана какого-то порнофильма. Так внешность не шла к передничку и воротничку кружевному.

Ладно-ладно. Пусть будет по порядку.

Есть поговорка или пословица... А чем отличаются? Недосказанностью? Поговорка – это часть пословицы? «Работа – не волк...» – это поговорка. А «Работа – не волк, а произведение силы на расстояние» – пословица.

В этот раз на сто процентов сработала поговорка-пословица: «Оказанная услуга ничего не стоит».

Вовка Фомин ехал на тренировку с самым что ни на есть приподнятым настроением. Сейчас он научит играть в канадский хоккей этих футболистов. Объяснит заслуженным мастерам спорта, что курить нельзя, особенно в перерыве между периодами. Дышать надо, а не никотин в себя всасывать. А еще нужно разминаться не пять-десять минут, а полчаса, а иногда и два часа. Тренировка – это не тот же хоккейный матч, но не с соперниками, а с частью своей команды, нет. Тренировка – это либо отработка приемов, либо работа над определенными качествами. Скорость, там, выносливость, умение на коньках стоять.

Приехали они с Третьяковым чуть пораньше и катались по льду, изрезанному вчера в хлам, отрабатывали броски под острым углом. Чернышев в кабинете писал что-то, и от него пусть не сильно, но перегаром несло.

– Покидайте пока. Заявку рожу и приду.

Потихоньку, с заметным опозданием, стали подтягиваться динамовцы. Стекла в машине сразу бы запотели. Такой выхлоп стоял. Отмечали милиционеры вчера великую победу. Над принципиальным соперником. Прямо бразильцам в футбол насовали 10:2. Вяло катались, вяло по шайбам стучали клюшками. Подъезжали к борту и, на него опершись, трендели.

– Артист! Рассказал бы анекдот. – Василий Трофимов, лучший нападающий «Динамо», подъехал к продолжающему пытаться забить шайбу в ворота тезки, практически с отрицательного угла из-за ворот Фомину.

– Анекдот? С условием. Поотрабатываем после этого отбор. Я еду к воротам со середины поля, а ты у меня отбираешь.

– Лады, если минуту буду смеяться. – Идохнул. Да, ему сейчас рассольчику и в баню, а не на тренировку.

– Договорились. Встречается порядочная девушка с хоккеистом одним. – Народ всей десяткой окружил спорщиков. – Разговор о том, о сем. На детей – цветы жизни перескочил. Она говорит: «Вася, знаешь, что самое плохое в жизни?» – «Что, Светик?» – «Это аборт». – «Точно, точно, сначала головой о борт, а затем клюшкой по ребрам!»

Может, и не минуту. Может, и две. Так как Револьд, только народ почти успокаивался, с задумчивым видом произносил: «Аборт», и веселье вспыхивало вновь.

Пришлось легенде поработать защитником. Что и следовало ожидать. Задом кататься на коньках Василий практически не умел. Фомин, где прибаутками, где подначиванием, вынудил всю команду по очереди задом покататься. Это, мля, чемпионы Союза, и они хотят и в этом году ими стать снова. Правильной ведь дорогой идут. Вся команда курит, вся команда через день бухает, вся команда еле-еле стоит на коньках и вся команда не тренируется. Да их юношеская команда в Куйбышеве лучше играет, а в следующем сезоне, даже без него, разорвет как Тузик грелку этих чемпионов. Одного не отнять. Все эти двенадцать человек в футболе гении. Как заставить их соблюдать режим и профессионально относиться к своему телу и к игре? Один любительский энтузиазм. Ну да, талант еще.

К концу тренировки появился Чернышев, тоже покидал шайбу по воротам, проверил реакцию Третьякова. Тот одну из двадцати все же пропустил. У тренера не получился шелчок, и шайба пошла бабочкой, а Вовка Третьяков как на нормальную среагировал. Бабочка ударилась о перекладину и в ворота запрыгнула.

Фомин подъехал к обрадованному тренеру и стал рассказывать о низких нагрузках, надо, мол, на выносливость поработать и еще надо третье звено в атаке создавать.

– Артист, ты талант, спору нет, и тренер у вас был хороший, но давай ты своим делом будешь заниматься, а я своим. Ты будешь тренироваться, как я скажу, и шайбы забивать, а я буду команду тренировать и за нее отвечать. Лады? – Подергал себя за ухо, видно сдерживаясь, чтобы не наорать на оборзевшего школьника, и все же заорал: – Всё, мужики, тренировка окончена. Сейчас лед заливать будут. Завтра тренировка в восемь. Потом обед и разминка небольшая. В шесть часов игра с ВВС. Сегодня не пить, будет кто с запахом, отправлю на хрен домой и премии лишу. Переодеваемся, моемся, сейчас в столовую «Динамо» повезут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.